

3 1761 07828945 1

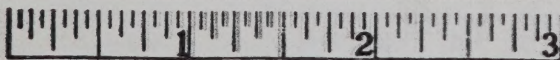
AS
262
A68D4

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of Toronto

8082

THE LIBRARY OF CONGRESS

PHOTODUPLICATION SERVICE

WASHINGTON 25, D.C.

А. Дерман

„Академический Инцидент“

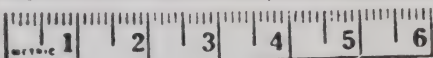
(История ухода из Академии Наук

В. Г. Короленко и А. П. Чехова,
в связи с „разъяснением“ М. Горького)

(По материалам архива В. Г. Короленко)

КРЫМИЗДАТ
СИМФЕРОПОЛЬ

1923

AS

262

A68D4

767097

1888

Derman, Abram Borisovich (ed.)

А. Д е р м а н

Akademicheskii

**„Академический
incident
Инцидент”**

(История ухода из Академии Наук

В. Г. Короленко и А. П. Чехова,

в связи с „разъяснением“ М. Горького)

(По материалам архива В. Г. Короленко)

КРЫМИЗДАТ
СИМФЕРОПОЛЬ
1923

Printed in Russia

AS262
A68D4

1167M
20M252

Киз. № 37. Отпечатано 5000 экз.

Р. В. Ц. № 51 Севастополь

14.11.1923
3
В предлагаемой книге читатель найдет изложение академической истории, или, как называли это в то время, „академическою инцидента“, когда, в виде протеста против грубого нарушения властью независимости высшего в России ученого учреждения и нанесенного достоинству его членов оскорбления, В. Г. Короленко и А. П. Чехов сложили с себя звание почетных академиков. История эта в свое время взволновала широкие слои русского образованного общества, самые формы реагирования которого на это событие были чрезвычайно характерны для представителей более крайних и более умеренных общественных течений.

Теперь все это—уже подлинная история. Невольный виновник инцидента, Максим Горький, избравший в почетные академики и подав сигнал к разыгравшейся истории, исполнял в ней совершенно пассивную роль. Все же активные участники события, имена коих упоминаются в книге, уже сошли с жизненной сцены, последним—наиболее активный ее участник, Владимир Галактионович Короленко:

В его архиве хранится пакет с надписью: „Акад. инцидент“, заключающий в себе переписку и документы, относящиеся к данному эпизоду. Они-то и положены в основу нашего изложения. Небольшая часть этих материалов в свое время была опубликована, большая часть—печатается впервые в настоящем издании.

За предоставление мне материалов архива В. Г. Короленки и поистине дружескую помощь при их обработке—выражаю свою глубокую благодарность семье покойного писателя.

А. Держав.

I.

29-го апреля 1899 года, в связи с исполнившимся столетием рождения Пушкина, был издан высочайший указ об учреждении при втором Отделении (Русского языка и словесности) Академии Еяк Разряда изящной словесности. В этот Разряд могли быть избираемы почетные академики—выдающиеся представители литературы и науки. 8-го января 1900 года, на первых-же выборах в новый Разряд, избранными в почетные академики вместе с Л. Н. Толстым и другими оказались В. Г. Короленко и А. П. Чехов.

Не-безынтересно выяснить, каково было отношение обоих писателей к этому избранию.

Что касается Чехова, то в его переписке имеется немало указаний на более чем сдержанное отношение и к новому своему званию и к самому Разряду изящной словесности. Еще до своего избрания и только по поводу толков о новом учреждении, 9-го февраля 1899 года, он писал к Суворову:

„Часто выдаюсь с академиком Кондаковым, говорим об учреждении Отделения изящной словесности. Он радуется, я же это Отделение почитаю совершенно лишним. Оттого, что Случевский, Григорьевич, Голенищев-Кутузов и Потехин станут академиками, произведения русских писателей и вообще литературная деятельность в России не станут интереснее. Примешивается только неприятный и всегда подозрительный элемент—жалование... Впрочем, поживем—увидим“.

Предположения Чехова относительно жалования оказались ошибочны: звание академика нового Разряда давалось как почетное—и только. Тем не менее устав Разряда не удовлетворил Чехова, отчасти, как увидим и как это ни странно, именно потому, что устранен был элемент жалования, отчасти потому, что в нем он увидел одну пустую форму. В самый день своего избрания, 8-го января 1900 года, но,

разумеется, не подозревая, что сам он уже почетный академик, Чехов писал Суворину из Ялты:

„Здесь я часто выдаюсь с акад. Кондаковым. Говорим о пушкинском отделении изящной словесности. Так как К. будет участвовать в выборах будущих академиков, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловского. Первый, замученный, утомленный человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конно-жел. дороге так же, как нуждался и служил в молодости. Жалованье и покой были бы для него как раз кетати. Второй же, т.-е. Михайловский, положил бы прочное основание новому отделению и избрание его удовлетворило бы ³ и всей литературной братии. Но гипноз не удался, дело мое не выгорело. Добавление к указу это точно толстовское послесловие к „Крейц. Сонате“. Академики сделали все, чтобы обезопасить себя от литераторов, общество которых шокирует их так же, как общество русск. академиков шокировало немцев. Беллетристы могут быть только почетными академиками, а это ничего не значит, все равно как почетный гражданин города Вязьмы или Череповца: ни жалованья, ни права голоса. Ловко обошли! В действ. академики будут избираться профессора, а в почетные академики те писатели, которые не живут в Петербурге, т.-е. те, которые не могут бывать на заседаниях и ругаться с профессорами“.

Это различие между „настоящими“ и „ненастоящими“ академиками особенно коробило Чехова. Он снова возвращается к этому в письме к Суворину от 23-го января того же года:

„Действ. академиков из писателей не будет. Писателей-художников будут делать почетными академиками, обер-академиками, архи-академиками, но просто академиками—никогда, или не скоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают и которым не верят. Скажите: для чего нужно было придумывать звание почетного академика?“

Как бы ни было, я рад, что меня избрали. Теперь в заграничном наспорте будут писать, что я академик. И доктора московские обрадовались. Это мне с неба упало“.

Проницательный тон последних слов не подлежит сомнению. Характерен также отрывок из письма Чехова к М. О. Меньшикову от 28 января 1900 года по поводу избрания почетным академиком Л. Н. Толстого: „Толстого выбрали, крепя сердце. Он по тамошнему нигилист. Так, по крайней мере, назвала его одна дама, действительная тайная советница, с чем от души его поздравляю“.

С течением времени скептическое отношение Чехова к новому учреждению несколько смягчилось, но в общем — Разряд не заинтересовал его. С присущим ему характерным сочетанием своеобразия, ясности и простоты он писал о новом своем звании к Н. Н. Коробову (29 января 1900 г.):

„Известие об избрании в академики застало меня в некоторой прострации, когда скверно себя чувствовал и я и мать, так что я и не разобрал как следует, в чем дело, какого вкуса это звание, а потом, когда выздоровел, то уже была привычка к новому положению, так что на вопрос твой, как чувствуют себя академики,—ответить тебе ничего не могу“.

Короткое время после избрания Чехов изредка и шутливо подписывается под приятельскими письмами званием академика („потомственный почетный академик, „Antonio, academicus“), а затем новое звание предается им, повидимому, прочному забвению вплоть до самого инцидента с выборами Горького.

Более или менее сходным было отношение к Разряду и к званию почетного академика и со стороны Короленки. Его, повидимому, лишь особенно заботил вопрос о том, насколько это звание совместимо с положением независимого писателя. В этом смысле интересны два его письма,—к матери и к некоей N. Вот текст первого из них:

„19-11/1—00 г.

Дорогая моя мамахен.

Как почтительный сын, спешу известить Вас об одном касающемся меня событии раньше, чем Вы получите его из других источников. Вчера узнал (и кажется достоверно),

что я, к своему удивлению, избран „почетным академиком“ по разряду словесности. Это избрание, к счастью, только почетное, не должность и не sineкура: жалований никаких не полагается, посещение заседаний не обязательно, хотя в соответствующих заседаниях дается совещательный голос. Одна неприятность все таки неизбежна: придется, кажется, хоть раз взять на прокат фрак и сделать визит (вернее—представиться) президенту академии. Избрано 9 человек,—Л. Н. Толстой, Чехов, Жемчужников, К. Р. (вел. князь—поэт), я, и еще 4, фамилии которых я еще не знаю. Это вчера уже говорил (пока по секрету) А. Н. Пыпин Михайловскому. А так как Пыпин сам академик, то известие достоверно. Вот я и спешу, дорогая мамахен, сообщить Вам об этой неожиданности, пока еще не напечатано в газетах *).

Вскоре же после избрания Короленко получил письмо от одной своей знакомой, в котором она трактовала избрание Короленка, как „грубое прикосновение властной действительности к мифу, сложившемуся вокруг личности и писателя В. Г. Короленка“. На самом письме этом поставлена рукою В. Г. пометка: „?Не умно“. Черновик ответа Короленка, хранящийся в архиве, таков:

„Многоуважаемая N. N.

Всекие „мифы“ вообще рушатся. Это судьба мифов. Важнее то, что есть действительно. Когда меня гнали, я нес это, как умел, и не сделал ничего, чтобы заслужить милость чью бы то ни было. Не сделаю и впредь ничего, чтобы поддерживать чье бы то ни было официальное расположение. Не думаю, однако, чтобы факт с моей стороны чисто пассивный—мог подавать повод для каких бы то ни было важных заключений. Я не избран на какую бы то ни было штатную должность, не иду на какую бы то ни было казенную sineкуру. Академия, как учено-литературная корпорация, выразила свое платоническое в данном случае мнение о моих работах, и я не вижу повода отвечать ей пренебрежением,—что конечно означал бы мой отказ. Вот и

*) Далее письмо касается домашних дел. Подписано оно так: „Почтительный сын и российской де-сянс академии почетный член Влад. Короленко“.

все. Полагаю, поэтому, что чувства, Вами выраженные,—при всей их несомненной искренности,—ошибочны. Академия есть только академия, ведь и Вольно-экономическому Обществу титул Императорского не мешает быть общественным учреждением.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко“.

Отношение Короленки к существу избрания из приведенных писем совершенно ясно. Это — отношение к формальности, или к чему писателя не обязывающей. Оставалась еще неприятность, связанная именно с формальной стороной дела,—представление вел. кн. Константину Константиновичу, состоявшему президентом Академии, но в этого случай помог избежать. В письме В. Г. Короленки к Ф. Д. Батюшкову от 9 Февраля 1900 года он пишет:

„Дорогой Федор Дмитриевич.

Я застигнут злым роком: в разгаре инфлюэнцы (сегодня только стало несколько лучше) — вдруг телеграмма от гофмейстера Зеленого: завтра в четверг в 2 часа меня „желают видеть“. А я совсем не уверен, что в состоянии буду явиться. (Сухомлинов*) говорил мне, что в таком случае нужно написать просто самому князю, подписавшись: Вашего Императ. Высочества Всепреданнейший Слуга. Вот я и заготовил на всякий случай письмо и думаю отправить оное завтра утром (с комиссионером — можно ли, как Вы думаете?).

Но если завтра мне станет значит. лучше с утра, то — предаю (или всепредаю) себя на волю рока. При таковых тесных обстоятельствах мысль моя невольно обращается к Вам. Во 1-х — в изложенном плане нет ли какого lapsus'a (Вы человек более меня сведущий), а во 2-х — нет ли у Вас стихотворений К. Р. На всякий случай, когда предстоит разговор с автором, — не мешает освежить в памяти его произведения. Кто знает, какой оборот может принять разговор. Ради Бога только — не хлопчите, если нет, и не

*; Мих. Ив. Сухомлинов, академик. В 1900 г. состоял председателем Отделения Рус. языка и Словесности Акад. Наук. Ум. в 1901 г.

наводите никаких справок. В конце концов — такой же человек, как и все, и полагаю — не беда, если получит письмо и не по форме.

Пожалуйста не хлопчите.

Жму руку

19-9/II—00 г. Ваш Вл. Короленко.

Аудиенция не состоялась. В записной книжке-календаре Короленка за 1900 год под 9-м Февраля значится: „получена телегр. гофмейстера Зеленого (Ильи Андр.) В. Ки. Конст. К. хочет видеть завтра в 2 ч. (ответил: болен)“.

В то время Короленко жил еще в Петербурге; в той же записной книжке отмечено участие его в одном из заседаний Академии, но, кажется, это участие было и последним вплоть до инцидента с выборами Горького: в том же 1900 году В. Г. переехал на жительство в Полтаву, в Петербург являлся он только по делам и не часто, всегда торопясь поскорее уехать. Заочное его участие в делах академии свелось к подаче бюллетеней при выборах почетных академиков. Так, сохранилась копия его избирательного бюллетеня, посланного после получения повестки от 30 ноября 1901 года, приглашавшей Короленка принять участие в выборах (в этом бюллетене выставлены имена четырех кандидатов: К. К. Арсеньева, П. Д. Боборыкина, Д. Н. Мамина-Сибиряка и Н. К. Михайловского).

II.

1-го марта 1902 года в „Правительственном Вестнике“ было напечатано следующее сообщение:

„На состоявшемся 21 минувшего февраля соединенном заседании отделения русского языка и словесности Императорской академии наук и разряда изящной словесности закрытою баллотировкою шарами были произведены, согласно с существующими постановлениями, выборы в почетные академики разряда изящной словесности. Избранными оказались: Александр Васильевич Сухово-Кобылин и Алексей Максимович Пешков („Максим Горький“)“.

Как выяснилось уже после революции 1917 года *), вырезка приведенного выше официального сообщения была наклеена, по приказанию министра внутренних дел, на лист бумаги и вместе со справкой департамента полиции о политической неблагонадежности Горького, специально для этой цели составленной, была представлена Николаю II. Царь положил на этом докладе следующую резолюцию:

„Более чем оригинально“.

Из этого-то краткого изречения разрослась вся дальнейшая история... Бывший тогда министром народного просвещения генерал Ванновский по-своему расшифровал царскую резолюцию, придав неприятному изумлению царя характер категорического приказа. 9 марта президенту Академии, великому князю Константину Константиновичу было препровождено от министра народного просвещения следующее конфиденциальное сообщение:

„Ваше Императорское Высочество, Государю Императору благоугодно было мне Высочайше повелеть, чтобы в ближайшем номере „Правительственного Вестника“ было напечатано от Императорской Академии Наук сообщение следующего содержания: „В виду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию Отделений Русского языка и Словесности и Разряда Изящной словесности Императорской Академии Наук—выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова — псевдоним „Максим Горький“, привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 устава уголовного судопроизводства,—объявляются недействительными“. Доводя о том до сведения Вашего Императорского Высочества, прошу зависящих к выполнению Высочайшего повеления распоряжений“.

Уже на другой день, 10-го марта, соответствующее сообщение было напечатано в „Правительственном Вестнике“ с заглавием: «От Императорской Академии Наук».

Слухи об осложнениях с избранием Горького проникли в общество еще ранее этого оповещения. Уже 9-го марта

*) См. „Былое“, июль 1917 г.

Ф. Д. Батюшков, связанный личным знакомством со многими академиками, писал к Короленку: „Говорят, возникают осложнения с его (т.-е. Горького) выбором в почетные академики, так как он находится под следствием. Но неужели же решатся кассировать выборы!“

Однако, еще до получения этого письма, В. Г. из агентских телеграмм ознакомился с текстом сообщения, напечатанного в „Правительственном Вестнике“. Он тотчас же телеграфировал Батюшкову просьбу сообщить подробности происшедшего и, еще не дождавшись ответа, пишет к нему:

„Полагаю, Вы догадались, что я телеграфировал по прочтении в газетах краткого сообщения об инциденте с Горьким. Поразило меня это известие чорт знает как. Прежде всего — „дознание“ не есть законный повод для неутверждения каких бы то ни было выборов. Значит, это незаконное вмешательство „административного порядка“ со всем его произволом в дела уже Академии. Я убежден, что то чувство, какое испытал я, — разделяют и многие академики, значит будут заявления о созывании экстренного собрания. Если да, то я, по получении известия, немедленно еду в Петербург, чтобы участвовать в заседании. Конечно, нужно ждать более подробного сообщения (я прочел только в краткой агентской телеграмме), — но... Господи, какая это большая глупость! Как будто нарочно, чтобы придать факту как можно больше огласки и шума. Почета, оказанного Горькому выбором, все равно не устроишь; но к этому прибавлено мелочное раздражение „правительства“, незаконный акт и — оскорбление всем нам, выбиравшим. Неужели это сделано с ведома Конст. Константиновича и неужели он не отстаивал права Академии?...

Одним словом, — вышло чорт знает что, и, по моему, заседание Академии необходимо. Неужели его не будет? Мне сейчас, по моим делам, ехать неудобно, но я решил все бросить и ехать, как только получу известие о заседании. В противном случае — придется подумать о том, как же выйти из этого глупого положения — уже сепаратно.

Пишу, кажется, довольно, бессвязно, потому что все еще не могу вполне спокойно и сдержанно относиться к „привычным“ впрочем неожиданностям нашей русской жизни. Сознаю, впрочем, что сдержанность необходима и хотелось бы думать, что „высшее научное учреждение“ сумеет выйти с достоинством из этой истории (пишу также Арсеньеву, прося разъяснить юридич. сторону этого дела)*.

В тот же день, 11-го марта, ближайший друг В. Г. Короленка, Н. Ф. Анненский, в то время находившийся в ссылке в Финляндии, ознакомившись также лишь с правительственным сообщением, пишет к Короленку:

„Куоккала 11 III 902.

Дорогой

Владимир Галактионович.

Сейчас прочел в „Новом Времени“ объявление от Академии Наук о кассации выбора в академики Максима Горького. Вероятно, Вы уже будете иметь это объявление в руках до получения моего письма. Но на случай его прилагаю. Ст. 1035 говорит о порядке производства дознаний по делам о „государственных преступлениях“ — чинами корпуса жандармов, на правах следователей. Так что глухая ссылка на эту статью означает только, что Горький привлечен к обвинению политического характера, что давно всем известно и не могло не быть известно и академикам его баллотировавшим. Ссылка на то, что они совершили грех „по незнанию“ приобретает, поэтому, сугубо унижительный характер. Вообще весь этот эпизод очень позорен; в особенности если сопоставить с ним газетные толки. Выходит так, что Мещерский закричал „караул“, обвинил Академию в „измене“ и ученое сословие, во главе которого стоит Великий князь Президент, председательствовавший на выборах, немедленно разыгрывает (в гоголевские дни!) *) роль слесарни Понилепкиной. Симптоматическое значение этого факта очень серьезное: показывает он, что дикая

*) В связи с 50-летием смерти Гоголя.

сиягинская реакция господствует безраздельно, заставляя даже забывать все официальные приличия. А еще на днях упорно ходили слухи, что вследствие столкновений с Ванновским, Драгомировым и еще с кем то Сипягин подавал в отставку и отставка его принята. Выходит однако не так.

Но не эта сторона дела меня особенно волнует; волнует так, что не могу не взяться за перо и не излить Вам душу немедленно по прочтении газетного известия. Лишний реакционный шаг и притом шаг со всех точек зрения глупый—это вещь, к которой уже можно привыкнуть! Но в данном случае больно он чувствуется, ибо косвенно и Вас затрагивает, а за Вас не могу не волноваться, как за себя. Ведь положение вас, почетных академиков, делается совершенно невозможным в составе учреждения, которое квалифицирует писателей по их политической благонадежности. Только до тех пор, пока никакая „политика“ в дела разряда „изящной словесности“ не имела входа и мог существовать союз вольной литературы и официальной академии. Но теперь эта независимость грубо нарушена, и мне кажется, никакими юридическими софизмами нельзя оправдать и внешней необходимости с легальной точки зрения, постановления о кассации выборов. В положении о почетных академиках—сколько я помню—нет никаких указаний на ограничение прав „подследственных“ или жандармами заподозренных литераторов.

Конечно, нужно собрать точные сведения обо всех обстоятельствах этого дела. Если я чтонибудь узнаю, сейчас Вам напишу. Да и без меня, без сомнения, Вы узнаете все. И предпринять чтонибудь почетным академикам нужно сговорившись и обдумавши. Но я не мог, просто по непосредственному импульсу, сейчас же, ничего еще подробно не зная, не заговорить с Вами.

Что Вы намерены предпринять? Ведь единичный Ваш отказ будет иметь меньшее значение, чем какойнибудь коллективный шаг группы академиков. Не думаете Вы списаться с Толстым, Чеховым, Арсеньевым, Жемчужниковым

или с кемнибудь из них? Я здесь сижу в закутке, никого не вижу, ничего не знаю, и потому не могу сейчас сообщить Вам никаких сведений, которые могли бы ориентировать Вас в настроении в Петербурге пребывающих академиков. Напишу Фед. Дмитриевичу, — он вероятно более знает. Затем всех наших*) увижу в четверг (на именинах Венедикта**) и все слухи сообщу Вам. А теперь ставлю точку этому мало складному посланию.

Обнимаю Вас и всех ваших. До свидания в апреле (а может и ранее?).

Ваш Н. Анненский“.

Между тем „ликвидация“ избрания Горького, дации характерно бюрократическая и при том бесцеремонно-торопная, шла своим чередом. 12-го марта президент Академии получил за подписью Владимира Бирюлева следующее конфиденциальное сообщение:

„Ваше Императорское Высочество. Считаю долгом почтительнейше доложить Вашему Императорскому Высочеству, что мною вместе с сям сообщено для соответствующих распоряжений исправляющему должность Таврического губернатора об отобрании от А. М. Пеникова („Максима Горького“) посланного ему от Императорской Академии Наук извещения об избрании его в почетные академики“.

13-го марта, получив письмо Батюшкова от 11-го и ответ на свою телеграмму, Короленко пишет к нему:

„Прочитав краткое известие о кассации выборов, я думал, что будет заседание специально по этому поводу. Меня очень озадачило слово „дознание“, которое ведь не есть „следствие“ и — выборных прав не лишает...“

13-го же Батюшков пишет снова к Короленку, излагая историю так, как она (не верно, но очень характерно) была доложена академикам:

*) Т.-е. членов редакции „Русского Богатства“.

**) В. А. Мякотина.

„Вчера же состоялось..... заседание, на котором приглашены были почетные академики, чтобы заслушать Высочайшую резолюцию: с Вас, избирателей, ответственность снута, так как против Высочайшей воли ничего нельзя. Выбор Горького, как и вообще почетных академиков, по уставу, не подлежит ничьему другому утверждению. Опротестовал выбор, конечно, Сицягин, ссылаясь на то, что Горький под следствием, по обвинению в подстрекательстве с целью произвести переворот. Но придаться к выборам нельзя было и потому оставались только прибегнуть к Высоч. воле. Но настоящему так бы и следовало опубликовать. Но президент взял вину на себя. Как бы то ни было факт избрания — нельзя уничтожить; он состоялся и перейдет в историю; станут достоянием истории и последствия. Здесь было стали говорить о том, что не худо бы почетн. акад. подать в отставку, но одинокие выходы не имели бы значения. Вот, как отнестись к следующим баллотировкам—это вопрос... Жаль, что ни Вас ни Чехова нет налицо“.

14 марта В. Г. Короленко обратился с письмами, касавшимися чисто литературных вопросов, к А. П. Чехову и Максиму Горькому. Чрезвычайно характерно и должно быть особенно подчеркнуто то обстоятельство, что в письме к Чехову, судя по сохранившейся копии, Короленко ни словом не обмолвился по поводу академического инцидента. Едва ли мы ошибемся, истолковав это обстоятельство, как нежелание со стороны Короленки хоть в малой мере побуждать Чехова к тому или иному реагированию на академическую историю. Ему была хорошо известна черта самостоятельности и независимости в духовном складе Чехова, и, как увидим, ниже, он впоследствии решительно протестовал против мысли, что, слагая с себя звание академика, Чехов действовал под чьим бы то ни было влиянием. Мы обращаем сугубое внимание на указанное обстоятельство, ибо до самого последнего времени этой стороне истории дается неправильное освещение даже в серьезных трудах. Так, в изданных под редакцией Б. Л. Модзалевского письмах В. Г. Короленки, принадлежащих Пушкинскому Дому при Академии Наук („В. Г. Короленко в письмах“, изд.

„Время“, Петербург 1922 г.) на стр. 204 в редакционном примечании прямо так и сказано, что Короленко „склонил“ Чехова к уходу из Академии. Это — безусловно неверно. С другой стороны в изданных под редакцией того же Б. Л. Модзалевского новых письмах А. П. Чехова, принадлежащих также Пушкинскому Дому („Чехов“ изд. „Атеней“, Петербург 1922 г.) в одном месте говорится (в примечании редактора) об уходе из Академии Чехова, „а за ним и Короленко“. В другом месте той же книги еще определеннее: „отставка... была послана Чеховым 25 августа, а вскоре отправил свое заявление и Короленко“. Это тоже неверно: Короленко отправил свое заявление с отказом от звания академика ровно за месяц до аналогичного отказа Чехова, а именно 25 июля 1902 года.

В черновике письма к Горькому мы находим несколько строк, касающихся академического инцидента:

„...прочел в телегр. о „кассац.“ выборов. Ничего пока не понимаю и тотчас написал в Пб., прося раз'яснений. Во всяком случае ясно одно: сущность почетного выбора — в самом выборе: ни чинов, ни жалования, ни обязательств он за собой не влечет. Факта же избрания ничем уничтожить нельзя. Удивительная кассация!“

В постскриптуме читаем:

„Еще одна просьба: сообщите мне, пожалуйста, что это за дознание, под коим Вы состоите, когда оно началось, когда и в какой форме Вам об этом об'явлено, пред'являлись ли какие ниб. обвинения? Простите этот тоже своего рода допрос, но с моей стор. это не праздное любоп. Если не трудно, письмо пошлите зак.“

К своему ответу на это письмо Горький приложил копию краткой, но весьма любопытной своей переписки с Таврическим губернатором.

„П. д. Тавр. губернатора.

Конфиденциально.

М. Г. Алек. Максимович!

Императорская Академия Наук обратилась ко мне с просьбой вернуть ей посланный на Ваше имя пакет за

№ 198, выданный Вам 3-го сего марта с извещением об избрании Вас в почетные Академики.

Сообщая Вам об этом, имею честь просить Вас возвратить мне по прилагаемому адресу пакет Академии Наук с извещением за № 198. Прощу принять уверения и т. д.

К. Истинский.

М. Г. А. М. Пешкову.

15-го марта 1902 г. Симферополь“.

„Его Прев. г. н. д. Тавр. губери.

Уведомление о том, что я избран почетным академиком было получено мною непосредственно от Академии Наук,—полагаю, что и с просьбой о возврате этого уведомления Академия должна обратиться непосредственно ко мне, мотивировав эту просьбу точным — на основании устава об учреждении Отдела Изыщной Словесности при Ак. Наук — изложением причин, по силе которых Академия считает необходимым просить меня о возврате документа.

Покорно прошу В. Пр. сообщить Академии это письмо.

А. Пешков“.

Тем временем, частью в ответ на свои вопросы, частью независимо от них — Короленко получал сообщения как о подробностях инцидента, так и о вызванном им настроении в литературных и общественных кругах. Так, Н. К. Михайловский в письме от 15 марта кратко сообщает:

„У нас здесь много волнений по случаю эпизода с Горьким. Думают и гадают, как поведут себя почетные академики“.

В письме от того же числа Н. Ф. Анненский дает моральную оценку события и характеризует различное отношение к нему представителей литературы и общест-венности:

„Куоккала 15/III—902 г.“

Дорогой

Владимир Галактионович!

Фактическая сторона академического эпизода несколько выясняется (хотя по прежнему в подробностях слухи противоречивы, а сведений из первых рук не имею). Во всяком случае думаю, что первое мое впечатление, которое Вам передал, было правильное — Академия нравственно убита, а теперь оказывается, что отношение к происшедшему петербургских академиков только вколачивает гвозди в крышку гроба учреждения.

Академии было предписано сверху объявить выборы Г. недействительными. Министр нар. просвещ. сообщил и форму, в которой объявление должно быть сделано — с указанием, что форма эта не подлежит никакому изменению. И требование это было выполнено даже до созыва общего собрания Академии или коллегии, производившей кассированные выборы. Собрание это происходило в понедельник, а объявление в „Правит. Вестнике“ напечатано было в воскресенье. Что происходило на этом собрании — сказать не могу; говорят оно было „бурное“, но во всяком случае буря была в стакане воды. По крайней мере ни сколько она нравственной атмосферы не расчистила. Во 2-м отделении (с Разрядом пзяцной словесности) теперь вырабатываются новые правила о выборах почетных академиков, которые должны устранить возможность таких „при-скорбных недоразумений“, как произошедшее только что. Говорят об обязательных справках и сношениях с Д-том полиции, как это делается при определении на службу, об указании в правилах случаев, когда лицо (находящееся под следствием и судом и т. п.) не может избираться и т. д. Очень может быть, что во всем этом много вздора и преувеличения, но в каком направлении и в каких целях имеет быть произведен пересмотр это понятно и конечно не к подтверждению академической свободы и независимости от политики он проведется...

Как относятся ко всему этому эпизоду в публке? Не берусь сказать, — но два течения (в лагере порядочных

людей) обнаруживаются заметно. Одно — примирительно оппортунистическое: говорят, что здесь forse maggiore, с которой следует считаться, что „самый факт выборов во всяком случае не может быть стерт“ и в этом находят некоторое нравственное удовлетворение; высказываются надежды на будущие правила и т. д. и т. д. Другой взгляд сходитя на том, что бывают известные положения, когда вопросы политической чести и достоинства выступают настолько резко, что всякие оппортунистические соображения о полезности и целесообразности отодвигаются назад. И что данный случай относится именно к этой категории.

К сожалению, нужно кажется признать, что петербургскими академиками этот последний взгляд не разделяется. На какой стороне мое личное мнение — Вам нечего спрашивать, также как и мне нечего у Вас спрашивать. Конечно, из всех академиков Ваше положение в „реформированной“ Академии было бы самое невозможное. Да и теперь оно уже невозможно, и чем скорее Вы отряхнете прах от ног своих, тем будет лучше: Как это сделать с тактом, достоинством и без крика — Вам нечего подсказывать... Мы, Ваши друзья, можем только просить Вас волноваться меньше (если это возможно, в чем сомневаюсь, судя по тому, как сам за Вас волнуюсь).

Журнальные гири, к Вашим ногам привязанные, не принимайте в расчет. Мы с Н. К. *) смотрим на теперешнее обстоятельство так же как на те, при которых произошла наша приостановка. **)

Крепко Вас обнимаю.

Ваш Н. Анненский.

*) Н. К. Михайловский.

**) Последние слова письма весьма характерны: Н. Ф. Анненский устанавливает здесь аналогию с эпизодом недавнего прошлого „Русского Богатства“, когда, в связи со статьей этого журнала по финляндскому вопросу (в 1899 г.) от редакторов потребовали, под угрозой полного прекращения журнала, чтобы было напечатано опровержение по существу верных фактов. Редакция отказалась, и журнал на время был приостановлен. Повидимому, и в эпизоде с Горьким, где вопрос шел о протесте против „высочайшей воли“ со стороны одного из редакторов „Рус. Бог.“, можно было опасаться удара по журналу. Как мы видим, товарищи В. Г-а по редакции в этом отношении развязывали ему руки.

Одно время думал, что Вы собираетесь сами сюда. Если так, приезжайте скорее».

Того же 15-го марта, отвечая на запрос Короленка, К. К. Арсеньев, также почетный академик, выделяет юридическую сторону инцидента:

„15-го марта.

Глубокоуважаемый

Владимир Галактионович, законность распоряжения, вследствие которого выбор А. М. Пенкова признан недействительным, и в моих глазах представляется сомнительной, хотя в подтверждение ее можно сослаться на запрещение поднадзорным публичной деятельности. Как бы то ни было, обжаловать это распоряжение нельзя, потому что некому жаловаться: оно идет от самой верхней инстанции. Соединенное заседание отделения и разряда состоялось 11-го числа, но вопрос об обжаловании в нем по вышеуказанной причине вовсе не возникал. Повелено приступить к пересмотру правил о поч. академиках. Весьма желательно было бы Ваше участие в заседании, где будет устанавливаться редакция новых правил. Не обратитесь ли Вы к председателствующему в Отделении, А. Н. Веселовскому, с просьбою уведомить Вас о дне заседания на столько заблаговременно, чтобы Вы могли принять в нем участие? Крепко жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

К. Арсеньев».

Уже из приведенных выше писем можно заметить, что то, что являлось для Короленка и в значительной мере, как ниже увидим, для Чехова центром эпизода, ставившим в тяжелое нравственное положение почетных академиков — живость правительственного сообщения, заявившего от имени Академии и академиков то, что продиктовано было правительством и академикам даже не было известно, — это обстоятельство для других казалось чем-то второстепенным. Так, в письме от 16-го марта Батюшков между прочим писал:

„...Дело обстоит так: всего получено было на имя презид. Академии три бумаги от мин. Народного Просвещ. В первой сообщалось, что Государь выраж. свое огорчение (sic) по поводу выбора лица, привлеченного к дознанию по подозрению в антиправительствен. деятельности.

Во второй сообщалась Высоч. воля, чтобы выбор признан был недействительным, т.к. кк. лицо, привлеченное к дознанию, лишено права быть членом собрания и участвовать в баллотировках.

В третьей—предлагалось академикам пересмотреть устав и выработать организацию выборов и функций почетн. академиков.

Высоч. воля признается в России *force majeure*, и единственная неправильность, в которой повинился президент, что в газетах сообщен был приказ—от имени самой Академии.

В состав Комиссии по выработке новой организации вошли—Кони и Потехин из числа почетн. акад., и Шахматов и Ламанский из действительн. академиков. Когда они выработают проект, то вновь будет созвано общее собрание. Вот все, что я знаю. Мое мнение, что сенаратный выход будет истолкован как протест против Высоч. воли и кроме вреда уходящему никакой пользы делу не может принести. Алекс. Ант. *) говорил, что в первую минуту обсуждался вопрос о выходе „в отставку“ избирателей, но никакой „отставки“ подавать нельзя, когда не состояшь на службе. Затем ссылка на какой то параграф законов, что лицо, привлеч. к дознанию, лишено права участия в собраниях и т. д.—давала формальную приценку к кассированию выборов. По моему (опять таки сужу субъективно) вопрос лишь в том—какою представится новая организация и при следующих выборах, когда, надеюсь, окончено будет дознание и Горький будет реабилитирован в своих правах,—состоится ли тогда его утверждение в звании, которое всячески за ним“.

*) О ком идет речь—неизвестно.

На ту же „высочайшую волю“, как на момент, лишающий возможности протеста против происшедшего, желал, повидимому, обратить внимание Короленка академик п. А. А. Шахматов, узнавший, вероятно, от Батюшкова о резком отношении В. Г. к ставшему перед академиками вопросу. Он писал к Короленку:

„Многоуважаемый

Владимир Галактионович!

Считаю долгом сообщить Вам, как своему товарищу по Академии, что известное Вам правительственное сообщение о неутверждении Горького сделано по Высочайшему повелению, при чем самый заголовок сообщения извлечен из того же Высочайшего повеления.

Искренно преданный А. Шахматов.

16 марта 1902 г.“

Насколько различно было отношение к инциденту в среде русского общества, видно уже из того, что таким глубоко-честным людям, как покойный Батюшков, к тому же лично близко стоявший к Короленку, лишь постепенно выяснилось, что в данном случае речь шла для Короленка не столько о том, будет или не будет Горький академиком, законно или с нарушением формального закона произошли его выборы, сколько о бесперемонности власти, заявившей от имени академиков, а стало быть и от имени Короленка, то, о чем он даже не был осведомлен, чем явно наносилось оскорбление самому достоинству писателя. В этом смысле интереснейшее следующее письмо между Батюшковым и Короленком. Первый писал между прочим (17 марта).

..... всего в письмах не перескажешь, так что я надеюсь, что Вы все-таки приедете,—хорошо бы списаться Вам и с Чеховым. Сегодня я утром съездил в Финляндию к Ник. Фед., который настоящий холерик по темпераменту. Я стою только за большую обдуманность поступков, и кроме того, кстати, вчера из доклада запомнил

интересную цитату: „зачем я свою совесть отдам на суд чужой совести“—сказал апостол Павел. Глубокие слова. У каждого своя совесть и поступает человек сообразно ее указаниям. Мне претит, когда другие за меня решают и говорят—ты должен так или иначе поступить. Единственное право друзей—это представлять данные к сведению и соображения, которые могли придти или же не приходили в голову, на всякий случай. Раз я уверен в человеке, меня не могут смутить соображения о том, что будут говорить—те же Марья Алексеевны под другими именами и из другой среды. И решает каждый человек за себя, что должно, что не должно. Но мнения собрать не бесполезно; нельзя не считаться и с тем соображением, что бывают форсе мажор, против которых вооружаться так же бесполезно, как бить лбом об стену: расшибиться не трудно, но кому от этого прок. Наконец, есть возможность отстоять свое достоинство в том как раз, чтобы стоять за соблюдение законности: если это окажется невозможным и форсе мажор все покрывает, тогда, конечно, остается лишь отстраниться, признав, что мы еще не дозрели до самостоятельных учреждений. Однако, кажется я становлюсь слишком туманен”.

На это Короленко отвечает:

„24 марта 1902 г.

Дорогой

Федор Дмитриевич!

Пишу лишь несколько слов, так как, вероятно скоро увидимся. Я еще не получил ответа Веселовского (которому написал на Академию 18-го марта), но думаю все-таки ехать, чтобы быть на-готове в случае, если будет заседание. А то эта затяжка *à la longue* мешает мне спокойно работать. К тому же вижу, что и друзья мои спорят и портят себе кровь, тогда как в главном пункте дело, по моему, совершенно ясно. „Княгиня Марья Алексеевна“—разумеется особа весьма неосновательная и что она „станет говорить“—дело неважное, тем более, что, как ни реши, она все-таки говорить станет. Но... разве это „княгиня Марья Алексеевна“

выдумала разные „старые истины“ относительно личного достоинства, которое для писателя все—в искренности его „мнений“, от которых нельзя ведь отделаться по внешнему приказу. Впрочем, не стану распространяться, так как не хочу много говорить об этом прежде времени. Во всяком случае, считаю, что присутствие или отсутствие Горького, меня, кого бы то ни было в Академии—совершенный пустяк. Но есть тут и не пустяк“.

Ответа от Веселовского, о чем упоминается в процитированном нами письме, Короленко ждал на свое письмо к нему от 17 марта следующего содержания:

„Глубокоуважаемый

Александр Николаевич.

Мне пришел, что предстоит заседание Отдела Словесности для пересмотра устава (повидимому в связи с выбором А. М. Пешкова). Предмет этот очень важен, и я считаю своей обязанностью присутствовать в заседании. Буду очень признателен, поэтому, за извещение, хотя бы приблизительно, о дне заседания, чтобы я мог заблаговременно прибыть в Петербург.

Прошу принять уверение в искреннем моем уважении к Вам.

Вл. Короленко.

19—17/III-02 г.

Полтава, Александровская ул. д. Старицкого“.

„19-го марта, отвечая на вышеупомянутое письмо Короленка, касавшееся общелитературных дел, Чехов (в переписке этого периода первый) коснулся и академического инцидента:

„Сегодня я получил письмо от одного ординарного академика такого содержания: „Вчера было особое заседание (вчера—11 марта) Разряда Изящной Словесности, опять в Мраморном дворце, посвященное тому же инциденту с

Максимом Горьким. Прочли Высочайший выговор, изложенный в словах, что Гос. „глубоко огорчен“ выбором и что мин. Нар. Просв. предлагает отныне представлять всех кандидатов на усмотрение его и М-ва Вн. Дел“.

М. Горький, кстати сказать, проживает в настоящее время в Олесе, сегодня был у меня. Л. Н. Толстой выздоравливает“.

Как мы видим, пока—это только уведомление без указания на свое отношение к происшедшему и на свои намерения так или иначе на него отозваться.

Того же числа Короленко отвечал на приведенное выше письмо академика Шахматова. Характерно, что он не коснулся его существа, а просит лишь о том же, о чем просил и Веселовского: уведомить о дне академического заседания.

„Глубокоуважаемый А. А.

Простите, пожалуйста, что пользуюсь литературными инициалами вместо полного имени—отчества, но у меня на память память очень плохая.

Я искренно Вам признателен за Ваше товарищеское письмо с извещением об обстоятельствах пресловутой кассации наших выборов. Ваша доброта дает мне повод обратиться к Вам с просьбой еще об одной товарищеской услуге. Третьего дня я послал А. Н. Веселовскому (в Академию, как пишу и Вам за незнанием адреса)—письмо, в котором прошу известить меня заблаговременно о дне будущего заседания Отдела. Я считал, что в этом заседании будет обсуждаться вопрос о пересмотре устава в связи с инцидентом Пеникова-Горького и считаю необходимым для себя явиться в это заседание. Теперь мне очень важно знать,—будет ли это заседание в скором времени, или оно будет отложено надолго. Будьте любезны до конца и сообщите об этом. Если же срок заседания уже близок, то буду очень признателен за ускоренный ответ телеграммой.

Искренно Вас уважающий

Вл. Короленко.

19-го марта 1902 г.

Полтава, Александровская ул. д. Старицкого.

Для телеграмм просто: Полтава Вл. Гал. Короленко*.

Чрезвычайно интересно для освещения общественной атмосферы, среди которой разыгрывалась эта история, письмо Н. Ф. Анненского к Короленку от 20-го марта. Приводим его с изъятием строк, не относящихся к данной теме:

„Куоккала, 20/III—1902 г.

Дорогой

Владимир Галактионович.

Вчера получил Ваше письмо. Это ответ еще на первое мое письмо, написанное 11-го, но посланное только 12-го . . . могу мало что прибавить относительно фактической стороны академической истории, да вряд-ли это и нужно, так как теперь и эту фактическую и юридическую сторону инцидента Вы знаете из писем Фед. Дмитриевича и Конст. Констант. *) лучше, чем знаю я. Боюсь только, могут-ли оба Ваши корреспондента,—при таком т. е. среднем примирительном положении, которое они занимают—быть чуткими и верными истолкователями общественного настроения настоящего момента, благодаря которому вся эта в сущности довольно „обыкновенная“ в русской жизни история приобретает особое значение и делает положение лиц ею затронутых особенно ответственным.

Я давно уже живу сознательною жизнью, но право не помню, когда большее и жгуче чувствовалась разнузданная грубость официального мира. Конечно, солдатская рука Николая **) давила крепче и последовательнее и во времена Муравьевской диктатуры гнет был беспросветнее, но тогда и общественная чувствительность была много тупее, чем

*) Ф. Д. Батюшкова и К. К. Арсеньева.

**) Конечно, Николай I.

теперь. И потому не чувствовалось того хронического состояния обиды, от которого теперь мы не можем отделаться. В более восприимчивой и живее чувствующей молодой части общества это чувство обиды принимает активные формы. Конечно, все эти протесты, если рассматривать их с точки зрения практической целесообразности, по большей части являются только „безумными“ вспышками, но симптоматическое их значение, как показателей обостренного, напряженного общественного настроения—несомненно весьма и весьма серьезно. Грубое подавление всех этих вспышек (если бы Вы знали, до чего здесь доходит эта грубость!) еще более обостряют это настроение. Сообщается оно и более широким общественным кругам. Пронасть между „тем“ и „этим“ берегом, между растущим общественным чувством и сознанием России и Россией властной, давящей, топчущей и избивающей,—делается все глубже и непроходимее. Не знаю, что из всего этого выйдет и не тешу себя иллюзиями (вероятно, придется еще пережить тяжелую реакцию, а проживем-ли до второго подъема—Бог знает),—но во всяком случае переживаем мы момент пезаурядный и общественное настроение теперь крайне напряженное.

При таком настроении особенно остро чувствуется отношение к актам произвола, проявляемое такими общественными группами, учреждениями или отдельными лицами, к которым общество привыкло относиться с уважением. Волнует поэтому очень широкие круги и академическая история. С напряженным вниманием ждут, как отнесутся к тому, что произошло, академики. Все понимает, что над Академией учинено грубое и оскорбительное насилие. Ведь какие бы юридические соображения (по моему крайнему разумению, только натяжки) ни приводились для опровержения законности выборов Горького, во всяком случае остается факт, который ничем нельзя оправдать: Академию заставили прикрыть своим именем кассацию неоправдившихся наверху выборов, кассацию, сделанную не ею и от имени академиков сделано было заявление, что они не знали, что творили, выбирая Горького, хотя не только никакого уполномочия от них на такое заявление никто не получал, но даже и

для приличия академикам не было сообщенно заранее о том, что будет от их имени оповещено. Как же отзывается на это оскорбление Академия? Пока—ничем. Это уже вносит большую горечь в общественное сознание. Ведь если с таким учреждением, как Академия, можно поступать столь бесцеремонно, то чего же ждать непривилегированным обывателям? А никак нельзя ожидать, чтобы Академия, как целое, или ее II-е Отделение с Разрядом Изящной Словесности, непосредственно затронутое, выступило с каким-нибудь коллективным шагом. Это можно было сделать только сейчас, непосредственно после полученной пощечины. Но дело пошло в затяжку и окончится ничем.

Все надежды возлагаются теперь на единичных академиков, которые попали в академию, пока она была еще „республикою наук“ и не заглядывала пред своими постановлениями в полицейский участок. Им не остается ничего иного, как выйти из опозоренного учреждения.

Мне ужасно жалко, что Вас теперь нет здесь. Ваше присутствие в заседании Академии внесло бы несомненно другой тон в обсуждение происшедшего. Но, думаю я, нет Вам нужды и возможности ждать, пока будет созвано еще собрание. По всей вероятности будет это очень не скоро и что из него выйдет трудно сказать. А время идет. По моему глубокому убеждению, Вам следует или теперь же послать заявление о том, что Вы слагаете с себя звание почетного академика или—если Вас еще останавливает неразъясненность каких-либо обстоятельств дела или же начатые переговоры с другими академиками—приехать сюда, не ожидая ни приглашений, ни извещений о предстоящих собраниях и, на месте все выяснив, принять решение—думаю я, единственно возможное. Но тянуть и ждать, пока Академия на что-нибудь подвигнется—совсем невозможно.

Вы меня простите, дорогой друг, что я врываюсь в ту область, которая подсудна только Вашей совести и куда посторонние не должны иметь входа. Смею считать себя не посторонним и потому не могу не высказать Вам всего так, как думаю и чувствую, и уверен, что Вы меня за это не

осудите. А если и осудите не беда. Слишком мне дорого все, что Вас касается, чтобы пред этим останавливаться. Ну, а пока все-таки ставлю точку, ибо пора когда-нибудь кончать и заочно горячо Вас обнимаю.

Ваш Н. Анненский⁴.

В том же тоне глубокого волнения писал к Короленку и П. Ф. Якубович (Мельшин):

„22-го марта 1902 г.

Дорогой

Владимир Галактионович!

Публика с нетерпением ждет Вашего приезда сюда. т. к. история с Горьким взволновала всех страшно. Только, к сожалению, в среде товарищей по Академии Вы не встретите, кажется, ни малейшего сочувственного отклика (и под „публикой“ я только нашу компанию разумею^{*)}). Конечно, ни с кем из академиков лично я не беседовал, но про многих из них рассказывают совсем странные вещи⁴.

В свою очередь Короленко стремился поскорее выяснить на месте, в Петербурге, все детали инцидента и только поджидал ответов на свои письма с запросами о заседании от академиков Шахматова и Веселовского. В письме к П. К. Михайловскому от 23 марта он между прочим писал: „Чехов пишет со слов какого то ординарного академика будто академии объявлен высоч. выговор. Это еще одна версия из достигающих до меня. Очевидно разобраться вполне можно только на месте. Жду ответа Веселовского, которому послал запрос, когда будет заседание Академии. В связи с этим располагаю свой выезд в Петербург“.

24-го марта акад. Шахматов писал в ответ на запрос Короленка:

^{*)} Т. е. товарищей по „Русскому Богатству“.

„Глубокоуважаемый

Владимир Галактионович!

Я получил Ваше письмо уже тогда, когда поздно было отвечать на Ваши вопросы, т. е. в день заседания соединенного собрания. Очень жалею, что не списался с Вами раньше. Можно было бы предупредить Вас телеграммой. Соединенное собрание выработало проект нового положения. В конце апреля Вы получите этот проект и сообщите Академии свои замечания. Окончательно он будет рассмотрен не раньше осени. Мы все чувствуем себя очень не хорошо. Был тревожный слух, что некоторые почетные академики слагают с себя это звание. Для Академии это было бы страшным ударом, так как то обстоятельство, что они остаются в ее среде, более чем другое что-нибудь свидетельствует о незастуженности наших, посылавшихся на Академию. Пока Академия не совершила ничего бесчестного и уж поэтому она в праве думать, что ее члены не нанесут ей оскорбления.

Искренно Вам преданный

А. Шахматов.

24-го марта 1902 г.

Засим хронологически следует приведенное уже выше письмо Короленки к Гатюшкову от 24-го марта; далее — письмо последнего к В. Г.—у, интересное в смысле выяснения позиции, занятой в этой истории президентом Академии и в частности — Второго ее Отделения, к которому принадлежал и самый Разряд Изыщной Словесности:

„...драматизм положения президента заключается в том, что по Высочайшей же воле не было опубликовано о Высочайшей воле, а предписано объявить от имени Академии. Оказывается, что президент не имеет непосредственного доклада, а только через мин. нар. просв.; что он просил повременить дня два-три с публикацией, чтобы успеть собрать академиков, но ему было отвечено „немедленно в ближайшем номере Прав. В.“. Теперь другие Отдел. Акад. — в волнении тк. кк. им о Выс. Воле не было объявлено, а они видят себя скомпрометтированными перед обществом.

Готовится протест в ближайшем общем собрании (без почетн. акад.) трех отделений, назначен. на 6-ое апреля. Веселовский сильно трусит этого собрания. Президент считает себя обиженным, кк. почетн. академ. и будто сказал, что он в баллотировках больше не принимает участия. Но как никак должно быть после общего собрания отделений особое заседание 2-го Отд. с почетн. академик., но Веселовский думает, что его придется перенести на осень. Это не худо, ибо к тому времени может (а пожалуй и должен) приехать Боборыкин. Мог бы под'ехать и Чехов (я говорил об этом с его женой, которая думает, что в виду важности этого собрания Антон. Пав. мог бы именно в сентябре, когда здесь не так худо, приехать дня на три). Вас заочно считаю согласным не складывать оружия, пока идет борьба за восстановление справедливости. А за сим в чужие дела я больше не вмешиваюсь."

Самый ответ А. Н. Веселовского краток и почти официальный:

„26-го марта.

Многоуважаемый

Владимир Галактионович,

Пересмотр устава Разряда Изящной Словесности передан пока в комиссию, составленную из членов Разряда и Отделения; было всего два заседания, последнее как раз на другой день после получения мною Вашего письма. Со стороны Разряда участвовали Конн, Арсеньев, Стасов, Потехин, Голенищев-Кутузов. Приняты всевозможные меры, чтобы устранить существующие недочеты и внезапные немотивированные стеснения. В общем рамка готова, но едва ли до сентября удастся раздать или разослать ее членам в виде программы, ознакомившись с которой они и приступят в общем собрании Отделения и Разряда к окончательной выработке, после чего устав пойдет далее—до утверждения его Государственным Советом (№ ныне действующий устав не

был таким образом утвержден). Я извещу Вас во время, дабы Вы могли пожаловать лично для обсуждения и подачи голоса.

Примите уверения в моем искреннем к Вам уважении.

Александр Веселовский.

Желательно было бы знать Ваш адрес до лета — на всякий случай“.

II.

30-го марта В. Г. Короленко выехал из Полтавы в Петербург. Для полноты картины скажем вкратце о некоторых обстоятельствах, обрисовывающих душевное состояние В. Г. в это время.

Помимо того волнения которое вызвало в нем грубое обращение власти с чужим достоинством — само по себе, необходимо указать еще и на другие причины, осложнявшие его душевное состояние. Это было время, когда по Харьковской и Полтавской губерниям только что прокатилась волна крупных аграрных движений, за которыми последовали жестокие правительственные репрессии (вскоре после того в Полтаву приезжал даже сам Плеве). Формы, в которые отлились тогдашние крестьянские волнения, как это явствует из писаний Короленка, были ему во многом несимпатичны. Но огульность и жестокость следовавших репрессий глубоко его возмущала. Его популярность и моральный авторитет — с одной стороны, активное сочувствие к сидевшим в тюрьмах крестьянам — с другой, естественным образом привели к тому, что вокруг Короленка сгруппировалась защита в ожидавшихся судебных процессах, и он в значительной мере стал в центре самой организации этой защиты. Дело это было сложное, ответственное и волнующее. Высший чиновничий мир не только косился на Короленка, но даже склонен был приписывать ему активную роль „подстрекателя“ в аграрных беспорядках. Ходили слухи даже о предстоящем аресте писателя, а в столицах об этом говорили даже как о совершившемся факте.

Перед самым отъездом из Полтавы пришло сообщение о смерти Г. П. Успенского, которого Короленко горячо любил и глубоко чтил.

Наконец, в самый день приезда В. Г. в Петербург, 2-го апреля был убит министр внутренних дел Сипягин. В общественной атмосфере явно и быстро нарастала гроза, и В. Г. Короленко был все охвачен ее предчувствием....

На фоне всех этих событий и настроений акт деспотического самовластия, жертвой которого становилось человеческое достоинство В. Г., воспринимался им с особенной остротой. Он явился в Петербург в повышенном настроении, готовясь к ожидавшемуся обществом академическому заседанию. Едва ли можно сомневаться, что он уже ясно предвидел неизбежность своего ухода из Академии.

Предчувствие того же, быть может, в менее резкой форме было и у Чехова. 2-го апреля он между прочим писал академику Кондакову: „Очень бы хотелось повидаться с Вами и поговорить, узнать подробности о последних академических выборах. До сих пор для меня еще многое не ясно, по крайней мере, я не знаю, что мне делать, оставаться мне в поч. академиках или уходить“.

Нижеследующие письма рисуют в кратких чертах дальнейшие перипетии академической истории.

2-го апреля Короленко в письме к жене, с описанием убийства Сипягина, делает небольшую приписку и об академических делах: „Сегодня объездил некоторых академиков, но никого не застал. Значит, мое дело не подвинулось пока ничуть. Кажется, придется скромно вернуться и просто послать свое заявление с места“.

5-го апреля В. Г. писал к жене: „Мои дела двигаются тихо. В собрании 6-го (завтра) мне, по уставу, быть нельзя. Возникает один недурной проект исхода из этого дурацкого положения, но он требует свидания и переговоров.... Одним словом, не стану пускаться в подробности, но, право, жалею, что не покончил всего этого сразу. Надоедает и двигается тихо.“

Здоровье мое — так себе, даже, пожалуй, хорошо, если сравнить с предыдущими приездами. Тогда меня всякий раз схватывала бессонница. Теперь этого не было. Ограничивается дело — компрессами и все таки сплю, не смотря на все волнующие передриги, события, разговоры и прочее. Был я уже у Арсеньева, Шахматова, Кони, сегодня иду к Веселовскому. Этот последний разговор будет, вероятно, решающим. Увы! — может быть придется съездить в Крым на день или на два“.

Каков был этот „проект исхода“, о котором пишет В. Г. в точности осталось невыясненным. Некоторые намеки на него читатель найдет ниже. От того же 5-го апреля сохранилось в архиве небольшое письмо к В. Г. от А. Н. Веселовского, написанное, несомненно, после их свидания:

„5 апреля

Многоуважаемый Владимир Галактионович,

Сейчас говорил с ак. Шахматовым. По серьезном обсуждении вопроса пришли к такому заключению: 1) Ваше заявление (объяснение отн.), если Вы его доставите мне завтра до 1 часа (ко мне или в Академию) я передам или прочту президенту; 2) Вам лично приезжать завтра для беседы с ним незачем, м. б. и неудобно; 3) До половины мая (или ранее), до отъезда Кони можно будет собрать заседание, обсудить Вашу записку и обратиться к Вел. Кн. для дальнейших актов.

Ваш А. Веселовский“.

„Записка“, о которой в этом письме говорится, была первым официальным обращением В. Г. в Академию по поводу происшедшего. Ее подлинный текст таков:

„А. Н. Веселовскому председателю II Отд. Имп. Академии Наук.

Глубокоуважаемый

Александр Николаевич!

В конце прошлого года я получил приглашение участвовать в выборах по Отделению Русского Языка и Словесности и Разряду Пяящной Словесности и, следуя этому приглашению, подал свой голос, между другими, и за А. М. Пешкова (Горького), который был избран и, как мне известно, получил обычное в таких случаях извещение о выборе.

Затем в „Правительственном Вестнике“ и всех русских газетах напечатано объявление „от Академии Наук“, в котором сообщалось, что, выбирая А. М. Пешкова-Горького мы не знали о факте его привлечения к дознанию по 1035 ст. и, узнав об этом, как бы признаем (сами) выборы недействительными.

Мне кажется, что, участвуя в выборах, я имел право быть приглашенным также к обсуждению вопроса об их отмене, если эта отмена должна быть произведена от имени Академии. Тогда я имел бы возможность осуществить свое неотъемлемое право на заявление особого по этому предмету мнения, так как, подавая свой голос, я знал о привлечении А. М. Пешкова к дознанию по политическому делу (это известно очень широко) и не считал это препятствием для его выбора. Мое мнение может быть ошибочно, но и до сих пор оно состоит в том, что Академия должна сообразоваться лишь с литературной деятельностью избираемого, не справляясь с негласным производством постороннего ведомства. Иначе самый характер академических выборов существенно искажается и теряет свое значение.

Выборы почетных академиков по существу своему представляют гласное выражение мнения Академии о выдающихся явлениях родной литературы. Всякое мнение по своей природе, имеет цену лишь тогда, когда оно независимо и свободно. Отмене или ограничению могут подлежать лишь формы его обнаружения и его последствия, но не

самое мнение, которое по природе своей чуждо внешнему воздействию. Только я сам могу правильно изложить мотивы моего мнения и изменить его, а тем более объявить об этом изменении. Всякая человеческая власть кончается у порога личной совести и личного убеждения. Даже существующие у нас законы о печати признают это непререкаемое начало. Цензуре предоставлено право остановить оглашение того или другого взгляда, но закон воспрещает цензору всякие посторонние вставки и заявления от имени автора. Мне горько думать, что объявлению, сделанному от имени Академии, суждено, впервые, кажется, ввести прецедент другого рода, перед сущностью которого совершенно бледнеет самый вопрос о присутствии того или другого лица в составе почетных академиков. Если-бы этот обычай установился, то мы рискуем, что нам могут быть диктуемы те или другие обязательные мнения и что о перемене наших взглядов на те или другие вопросы (жизни и литературы) может быть объявляемо от нашего имени совершенно независимо от наших действительных убеждений. А это—величайшая опасность в глазах всякого, кто дорожит независимостью (и значит) искренностью и достоинством своего убеждения. Смею думать, что это—величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства.

В виду изложенных, по моему мнению, в высшей степени важных принципиальных соображений, я и считал необходимым обратиться к Вам с просьбой известить меня о времени заседания Отделения и Разряда по этому поводу. К сожалению, моя просьба запоздала и уже тогда, к крайнему моему прискорбию, я предвидел, что мне останется только сложить с себя звание почетного академика, так как по совести я не могу разделить ответственности за содержание сделанного от имени Академии объявления. Но я считал своей нравственной обязанностью перед уважаемым учреждением прежде изложить свои соображения в собрании Отделения и Разряда, которое, быть может, указало-бы мне другой выход, согласный с моей совестью и достойный высшего в нашем отечестве научного учреждения. Оставаясь при этом мнении, я прошу Вас, глубокоуважаемый Александр Николаевич,

сообщить мне, находите-ли Вы возможным созвать в ближайшем времени собрание Отделения Русского Языка и Словесности и Разряда Изящной словесности для выслушания моего заявления, которое я, в таком случае, буду иметь честь представить.

Примите и пр.

Вл. Короленко.

6 апр. 1902 г.

В тот же день, как была подана эта записка, В. Г. писал к жене:

„Теперь мои дела сильно подвинулись: сегодня и написал письмо А. Н. Веселовскому (председателю нашего отдела), в котором сказал все, что нужно, но закончил, что хотел бы изложить все эти соображения в заседании. Написал это в окончат. форме сегодня утром и, правду сказать, ночь спал плоховато. Был у меня план, который, как будто, стали разделять и академики, но осуществимость которого, пожалуй, подвержена некоторому сомнению. Это-то меня и волновало. А тут, неожиданно вчера Веселовский сказал, что лучше всего, если я имею сделать заявление, то подать его сегодня (перед общим собранием, на котором мы присутствовать по уставу не можем). Пришлось писать наскоро, а прежние мои черновики не годились в целом, представляя только материал. Впрочем,—утром сегодня вдруг в голове просветлело и я написал кратко (только лист) и, кажется, убедительно. К часу сегодня бумага уже у Веселовского. Веселовский обещает собрать заседание в конце апреля начале мая. Это мне удобно. Наше ред. собрание—в мае.

Конечно, пришлю тебе список поданного мною заявления, только сейчас списать еще некогда. Едва закончил ко времени (почевал в Куоккале). Веселовский сегодня-же передаст князю, и мне ответят. А там—и сидеть мне тут нечего. В Ялту тоже всего вернее—не поеду. Ограничусь письмом, с подробным изложением положения дела“.

10-го апреля Короленко отправил Чехову вместе с письмом список своего заявления в Академию,—это было первое его письмо, в котором он делился с Чеховым своими соображениями об академической истории, а между тем, как мы видели из письма Чехова от 2 апреля к академику Кондакову, мысль об уходе из Академии являлась А. П. уже тогда. Это—лишнее доказательство полной независимости и самостоятельности обоих писателей в их отношении к происшедшему.

В тот же день, 10 апреля, В. Г. выехал из Петербурга обратно в Полтаву. 11 апреля он отправил список своего заявления в Академию—Н. П. Белоконскому, которому при этом между прочим писал:

„Из приложенного при сем заявления моего ищи, вернее, письма на имя нашего председателя А. Н. Веселовского, Вы приблизительно увидите, в каком положении дело мое в Академии. Собрание, о котором я пишу в письме, Веселовский обещал назначить в первой половине мая и, если оно состоится, то и произойдет, кажется еще в первый раз любопытный разговор по существу сего дела. Вероятно, к тому времени приедут и другие „почетные академики“ (кажется, например, Чехов). Все же вернее, конечно, что придется выйти, так как трудно представить исход, соответствующий „достоинству высшего научного учреждения“, и придется спасать хоть свое личное достоинство. Во всяком случае любопытно. Письмо мое Веселовский в тот же день (6 апреля) передал князю Конст. Константиновичу“.

Получив письмо и копию заявления Короленка, Чехов отвечал ему:

„19 апреля 1902 г., Ялта.

Дорогой Владимир Галактионович,

Жена моя приехала из Петербурга с 39°, совсем слабая, с сильной болью; ходить она не может, с парохода перенесли ее на руках... Теперь, кажется, немножко лучше.

Толстому передавать заявление я не стану. Когда я заговорил с ним о Горьком, и об академии, то он проговорил: „я не считаю себя академиком“—и уткнулся в книгу. Горькому один экземпляр передал, письмо Вам прочел ему. Мне почему то кажется, что 25 мая собрания в академии не будет, так как в начале мая все академики уже раз'едутся. Мне кажется также, что Горького во второй раз не выберут, ему накладывают черняков. Мне бы ужасно хотелось повидаться с Вами, поговорить. Не приедете ли Вы в Ялту! Здесь я буду до 15 мая. Я бы поехал к Вам в Полтаву, да вот жена расхворалась и пролежит еще вероятно недели три. Или увидимся после 15 мая в Москве, на Волге, за границей? Напишите.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Жена кланяется Вам“.

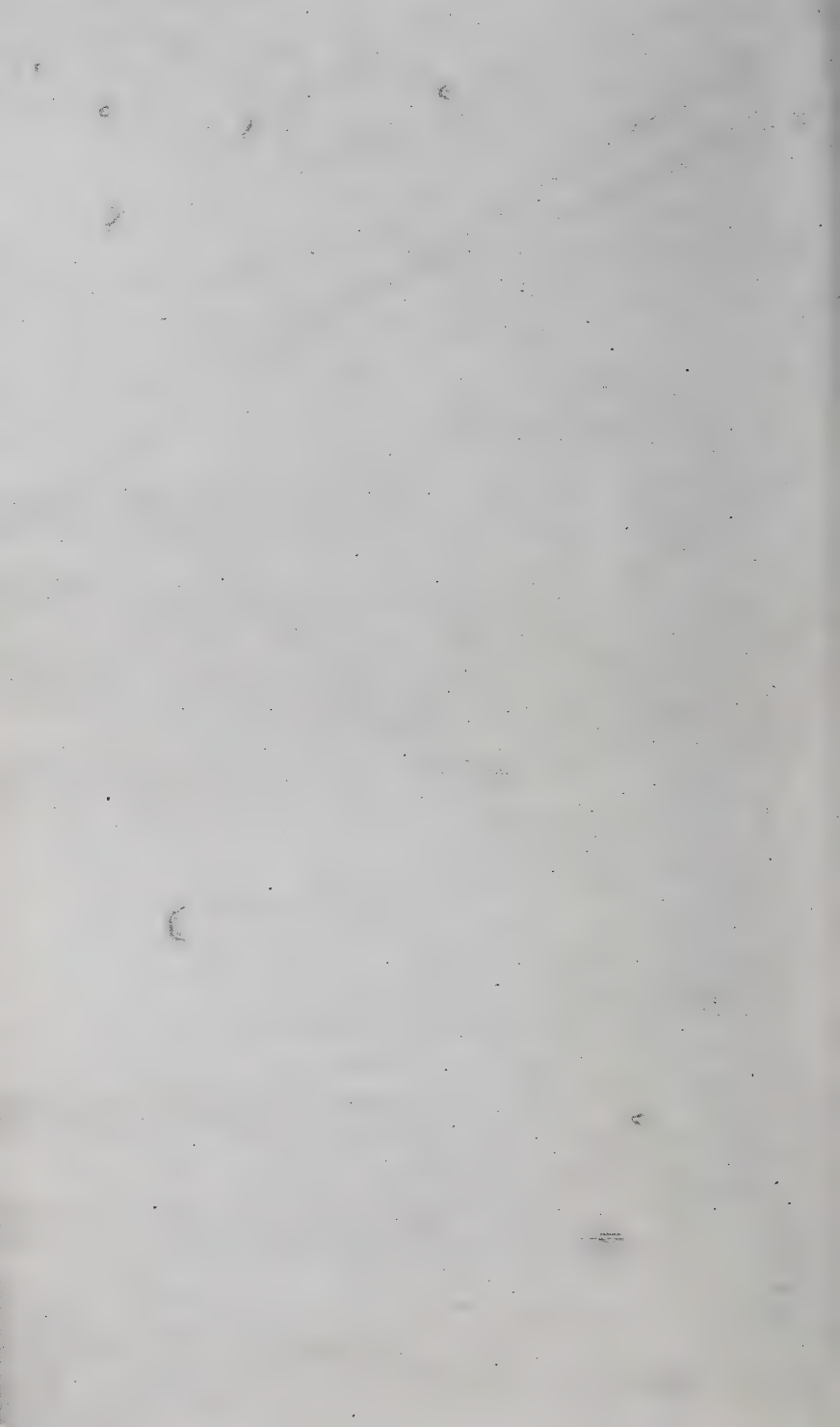
На другой же день Чехов снова пишет к Короленку: *)

„20 Апреля, 1902.

Дорогой Владимир Галактионович, жена моя все еще больна, и я никак не подберу своих мыслей, чтобы написать Вам как следует. Во вчерашнем письме я спрашивал Вас, не увидимся ли мы в апреле, или начале мая. Мне кажется, что нам удобнее действовать сообща, и надо стовориться. Мнение Ваше, изложенное в письме к А. Н. Веселовскому, я разделяю вполне, и мне кажется, что на заседании 15 мая, если только оно будет, Вы могли бы сказать слова два-три и от моего имени. Если до 15 мая мы не увидимся, тогда придется списаться.

У моей жены высокая температура, лежит на спине, похудела. О чем Вы говорили с ней в Петербурге? Она горько жалуется, что все позабыла.

*) Настоящее письмо А. П. Чехова в собрание его писем не вошло и с печати появляется впервые.

20 aug 1918

[illegible]

En crepuscule, c'est la gloire. On est en train de se lever.

Leur de 15 ans, un peu plus, mais pas trop.

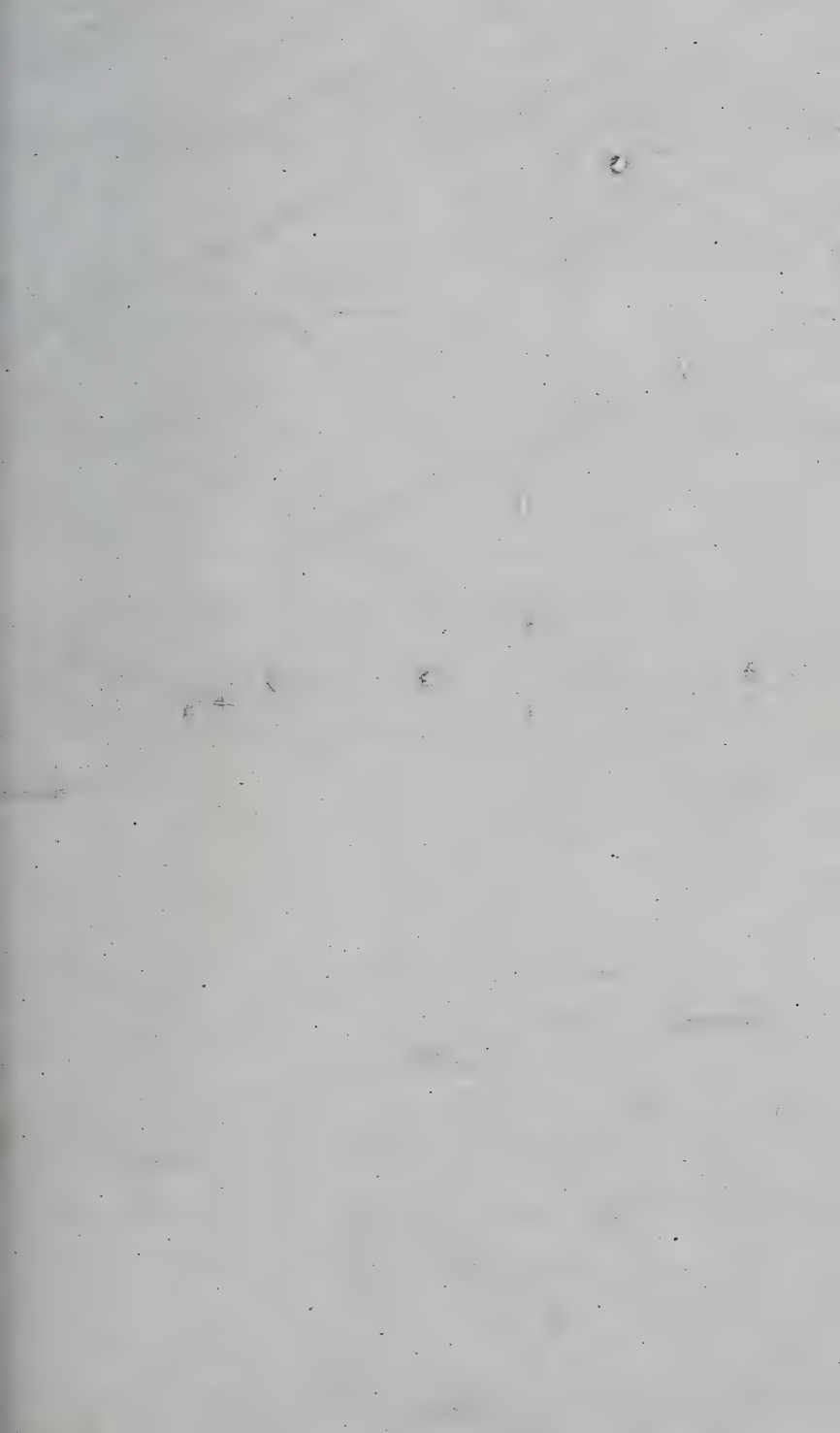
Je ne connais pas.

Mais quand l'enfant meurt, on est en train de se lever. On est en train de se lever. On est en train de se lever. On est en train de se lever.

Je ne connais pas. Je ne connais pas. Je ne connais pas. Je ne connais pas.

Je ne connais pas.

Mme A. Zey

Крепко жму руку. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов“.

27-го апреля К. К. Арсеньев, получивший от В. Г. Короленки список его заявления в Академию и запрос о сроке заседания для его рассмотрения, отвечал В. Г.-у:

„27 апреля

Глубокоуважаемый

Владимир Галактионович, очень благодарю Вас за присылку копии с Вашего письма. Вы, вероятно, уже знаете, что оно будет рассмотрено в ближайшем соединенном заседании отделения и разряда, которое состоится, кажется, около половины мая.

Искренно уважающий Вас

К. Арсеньев“.

Того же 27 апреля акад. Шахматов писал К. Арсеньеву:

„Глубокоуважаемый

Константин Константинович!

Заседание соединенного собрания назначено на 10-е мая. Короленку будет послана повестка. Надеюсь, его не смутит то, что на повестке будет сказано, что заседание назначается для частного собеседования. Это необходимо для того, чтобы мы были в заседании одни и свободнее могли бы прийти к какомунибудь решению.

Искренно преданный А. Шахматов.

27 апреля 1902“.

Это письмо Арсеньев переслал Короленку, сделав на нем следующую приписку:

„29 апрель

Глубокоуважаемый

Владимир Галактионович, на всякий случай пересылаю вам это письмо Шахматова. Искренно Вас уважающий Арсеньев“.

Однако, еще до получения этих, пока еще неофициальных извещений, Короленко получил (28 апреля) из Академии повестку, помеченную 22-м апреля, с приглашением на торжественное заседание памяти Жуковского, по случаю пятидесятой годовщины его смерти. Это приглашение на торжественное собрание со стороны учреждения, только что грубо оскорбленного и еще не успевшего ликвидировать оскорбление, сильно раздражило Короленка. В письме от 29 апреля к Батюшкову он между прочим пишет:

„Вчера получил письменное приглашение на участие в торжеств. собрания II Отдел. в память Жуковского. Подписано А. Веселовский. О собрании же по пов. моего заявления ни слова. Пишу Веселовскому я прощу опред. ответа: должен ли я считать, что Акад. переходит к очер. порядку, минуя мое заявление. Ну, оно и лучше, правду сказать. Прикрыть маленькое публичное заушение лачком торжеств. собрания я—конец! Чехов пишет, м. проч., что совершенно согласен с моим заявлением. Значит, нас двое, во всяк. случае, будет“.

Раздражение вкралось даже и в официальное письмо В. Г. к Веселовскому (и это—первый раз за все время), которым Короленко отзывался на приглашение. Сохранилось два черновика его письма (мы помещаем оба в том порядке, как они, судя по внешнему их виду, были написаны, при чем первое близко к тому, что говорится в письме к Батюшкову, и только затем, повидимому, В. Г. несколько смягчил тон письма); оба письма написаны с нескрываемой даже пронией:

„Глубокоуваж.

Алексе. Николаевич.

Вчера я получал приглаш. к участию в торжеств. засед. Отделения в память Жуковского. Заседание это назначено на 12 мая. На первую же половину мая предполагалось назначить и засед. II Отделения для выслуш. моего заявления. Между тем до сих пор никакого извещения по этому поводу я не получал. Должен-ли я заключить из этого, что Отделение

„приступает к очер. порядку“, минуя мое заявление? Во всяк. случае буду очень признателен за определ. ответ по этому предмету, т. как в зависимости от этого мне придется располагать свое время и свои планы.

Прошу принять увер. в моем искреннем уважении.

Вл. Короленко.

29 апр. 1902“.

Текст второго черновика:

„29 апр. 1902.

Глубокоуважаемый

Александр Николаевич.

Вчера я получил приглашение на „торжественное“ заседание Отдела в память Жуковского. Ну, а как-же наше неторжественное заседание в первой половине мая, по поводу моего заявления? Состоится-ли это заседание или нет? Мне знать это очень важно, так как я должен вперед рассчитать свое время. Да, вероятно, и другим иногородним академикам важно знать это заблаговременно. Будьте, поэтому, добры сообщить—когда именно в первой половине мая может состояться наше заседание?

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Вл. Короленко.

Полтава

Александровская ул.

д. Старицкого“.

Наконец, пришло извещение по заседанию, на котором академики должны быть выслушать заявление В. Г., и на котором предполагались с его стороны устные объяснения. Короленко получил извещение 1 мая, отметив в этот день в своей записной книжке: „Получил пов. из Академии: 10 „частное собеседование“ в Акад!“

Делу придавался оттенок келейности, явно раздражавший В. Г.. Вслед за повесткой пришло краткое письмо от акад. Шахматова:

„Многоуважаемый

Владимир Галактионович!

Вы вероятно уже получили повестку на заседание, назначенное на 10-е мая. Заседание будет посвящено поднятому Вами вопросу. Надеемся, что Вы примете в нем участие.

Искренне преданный А. Шахматов.

1 мая 1902“.

2-го мая Короленко известил Чехова о назначенном заседании, надеясь, повидимому, съехаться с ним в Петербурге. Однако 5 мая он получил из Ялты от Чехова телеграмму *) следующего содержания: „Ольга Леонардовна больна приехать нельзя, телеграфируйте из Петербурга Чехов“.

Из Петербурга вести приходили скудные и отрывочные. Так, Н. Ф. Анненский писал 4 мая: „Ждать ли Вас в Петербурге и когда? Я почти не сомневаюсь, что с Академией ничего не выйдет,—т. е. собственно с заседанием, назначить которое обещал Веселовский... Академические новости: говорят (слышал от Милюковых), что Марков **) подал в отставку. Затем, вернулся Боборыкин и очень интересовался Вашим заявлением. Ему дали копию—и, говорят, можно думать, что и он будет заодно с Вами“.

7-го мая В. Г. выехал из Полтавы в Петербург.

III.

8-го Короленко приехал в Петербург, 9-го—в Куоккалу к Анненскому, откуда вернулся в Петербург на „частное совещание“ в Академии, которое и состоялось в 2 ч. дня 10-го мая. В этот самый день В. Г. писал к жене в Полтаву:

„Сейчас из Академии, где заседали 3 часа в „частном собеседовании“. Князь болен (и говорят,—опасно), присутст-

*) Печатается впервые.

**) А. А. Марков, математик, академик.

зовать не мог. Разумеется, много говорили и „убеждали“. Наметили некоторые выходы, но все—до осени! В виду этого, заявив, что очень признателен за доброе желание „сохранить меня в своей среде“—я предоставляю себе свободу действий. Теперь вопрос только в форме заявления. Впрочем, я пишу тебе под влиянием первого впечатления, в котором еще не вполне разобрался. Повидимому—намерения „добрые“, но все это далеко и неопределенно и ведет в затяжку и вообще—прежнее решение остается по всем видимостям—единственным“.

Несколько более подробно В. Г. сообщает о заседании в следующем письме к жене от 12 мая:

„Заседание академии меня почти не возводило. Только 10 минут, когда я говорил и старался изложить свой взгляд, в ответ на общие уговаривания,—я почувствовал волнение. Остальное время (а продолжалось часа 2¹/₂) — разговаривал совершенно спокойно. В заключение я сказал, что выслушал с полным уважением мнение своих товарищей, но считаю себя не связанным, тем более, что и заседание частное (маленькая хитрость А. Н. Веселовского). Ждать же решения до осени не могу. На том и разошлись. Теперь остается спокойно обдумать и составить последнее заявление, которое напишу уже из Полтавы“.

Еще некоторые подробности о том же заседании читатель найдет ниже в выписке из дневника В. Г.-а, а пока в хронологической последовательности приводим выдержку из письма Батюшкова к Ав. Сем. Кораленко от 14 мая, которое, во первых, бросает некоторый свет на тот „план“, который намечали академики умеренного настроения, и, во-вторых, уясняет настроение В. Г., с которым Батюшков часто виделся в Петербурге.

„...Хотя дело, повидимому, идет на смарку, Влад. Гал. все же одержал нравственную победу в Академии, ибо в конце заседания, по его словам, все выразили ему сочувствие и согласились с тем, что он прав, даже возражавшие ему.— Но существу стало быть инцидент выяснен и только вопрос в мерах, которыми можно бы загладить допущенную неправильность объявления в Прав. Вести., без согласия и даже

без ведома почетн. академиков, но как бы от их имени. Пока меры предложены наилучшие, согласно с существующими у нас условиями правового порядка: как только выздоровеет президент (у которого серьезная болезнь, с мозговыми осложнениями), примерно в сентябре, созывается официальное соединенное собрание Отделения и Разряда, на котором будет прочитано заявление Влад. Гал. и присутствовавшие теперь академики (9 чел.) присоединятся к его мнению, выражая сожаление, что допущена была столь неудачная форма правительствен. сообщения, которая дала повод ошибочному мнению в обществе будто отмена выборов произошла от имени самих академиков. Этот протест заносится в протокол заседания и затем, кк. деловая бумага, подлежит распространению — тем или другим путем, может быть не сейчас в газетах (Высоч. распоряж. не подлежат оглашению) — но во всяком случае — протест будет заявлен и таким образом ответственность за распоряжение возвращается к тому лицу, от которого оно исходило. Если бы все это произошло, я считал бы, что академики исполнили все от них зависящее, при действующей неограниченной форме правления. Далее, в проекте правил для будущих выборов — последние должны оставаться свободными, кк. до сих пор, и тотчас оглашаться. Затем выбираемые лица в Разряд изиящн. слов. утверждаются, кк. и в других Отделениях, по воле монарха, который может и касировать выборы (кк. делается и в Западн. государствах), но общество будет знать, что от кого исходит... При таких условиях Разряд изиящн. слов. мог бы продолжать свое существование, оставаясь духовно-свободным учреждением. Но, к сожалению, по некоторым признакам мало шансов, что предложенное будет выполнено осенью. Влад. Гал. имеет данные опасаться, что произойдет лишь проволочка и ничего не сделают. Вот почему он ставит свое решение независимо от обещаний — неофиц. характера. Я тут уже не берусь судить. Признаю, что Влад. Гал. сделал очень многое, чтобы тк. сказать уважить товарищей и выждать их решения для того, чтобы действовать сообща. Не его вина, если они не представляют ему достаточно гарантий осуществления планов, в особенности потому, что скрывают

мнение президента, который осенью простым правом председателя может снять вопрос с очереди и тогда всему конец».

20-го мая Короленко вернулся в Полтаву, 23-го выехал в Ялту на свидание с Чеховым. 24-го был уже в Ялте, 25-го виделся с Толстым, в беседе с которым умышленно избегал темы об академической истории. 27-го В. Г. вернулся в Полтаву. 28-го мая он между прочим писал к Батышкову: „Я съездил в Ялту, частью чтобы повидаться с Чеховым, частью по телеграмме брата. Был у Толстого. Поездкой чрезвычайно доволен. Чехов, вероятно, отложит свое заявление до осени и это, по моему, хорошо. Я „выйду“ на днях, это дело, по многим причинам, необходимое. А Академии все таки придется еще вернуться к вопросу. С Толстым об Академии почти не говорили (я этого и не хотел), но очень интересно провели часа три. Удивительный старик. Тело умирает, а ум горит пламенем“.

О свидании своем с В. Г. Короленко А. Н. Чехов писал Горькому в письме от 2-го Июня: „Накануне моего отъезда из Ялты был у меня Короленко. Мы совещались и вероятно на этих днях будем писать в Петербург, подаем в отставку“.

О том впечатлении, которое произвел в обществе слух о предстоящем уходе из Академии Короленко и Чехова, до некоторой степени, можно судить по следующему отрывку из письма Батышкова к Короленку от 16-го июня:

„Получил на-днях две записки от Чехова, который в Москве: его жена опять заболела и пришлось отсрочить предполагаемую поездку на Волгу. Ант. Павлов сообщает, что, сговорившись с Вами, он пришел к заключению о необходимости выйти из Академии. И вслед затем я получаю от Никитина *)—предложение от В. Ки. мне вступить в комиссию для пособия нуждающ. лит. и ученым в качестве запасного члена. В другое время я бы принял, но теперь—не могу справиться с чувством раздражения и это слишком многого от меня требовать, чтобы я хоть лишь формально значился в ака-

*) П. В. Никитин, академик.

демической комиссии,—вернее вступил в нее, когда над всей Академией простирается стыд от того, что она не сумела сохранить двух лучших представителей Разряда изящн. словесн., лучших без преувеличений—тк. кк. Толстой не считает себя академиком, и даже единственных. Я ответил отказом, под предлогом слишком сложных дел в связи с деятельностью казначея Л. Ф. *), в комитете которого мне еще осталось пробыть полтора года“.

25-го июля Короленко отослал в Академию свой отказ от звания почетного академика. Текст отказа мы находим в его письме к Н. Ф. Анненскому, которое и приводим полностью:

„Дорогой Николай Федорович.

Вы уже наверное видели Фед. Дм. Батюшкова, и он Вам говорил о нашей здешней жизни. Заявление мое в Акад. он выслушал и в содержании оного весьма не одобрил. Прежде всего я действительно совершил ошибку относительно „формы сношений“ и адресовал заявление во II-ое Отдел., а не Президенту, как бы следовало. Впрочем, думаю, что это неважно и Отделение представит, куда надо. Засим—не одобрил он и экскурсию в область полицейско-админ. воздействий. Вы тот раз тоже находили это излишним, но... не мог я, признаться, утерпеть, чтобы не отдать дань сему российскому институту. Сделано это, впрочем, как видите из прилагаемой копии, в форме весьма умеренной и сдержанной.

Полный текст заявления моего гласит сие:

„В Отделении Р. Яз. и Словесности и Разр. Изыщной Словесности Императорской Академии Наук.

„6 апреля наст. года я имел честь обратиться к Председателю II Отделения с нижеследующим письмом:

(следует текст первого моего письма. Здесь только в фразе: которое (т. е. мнение) по природе своей чуждо внеш-

*) Литературного Фонда.

нему повелительному воздействию“,—я вставил подчеркнутое слово, т. как, разумеется, мнения от внешних воздействий иногда меняются. Засим следует прибавление):

„К сожалению, официальное заседание, о котором я просил и которое могло бы прийти к какому-либо определенному решению, состояться не могло и вопрос отложен на более или менее неопред. время.

„В виду этого к первоначальному заявлению мне придется прибавить немного. Вопрос, затронутый в объявлении, не может считаться безразличным. Ст. 1035 есть лишь слабо видоизмененная форма административно-полицейского воздействия, игравшего большую роль в истории нашей литературы. В собрании, считающем в своем составе немало лучших историков литературы, я не стану перечислять всех относящихся сюда фактов. Укажу только на Н. П. Новикова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксаковых. Все они в свое время подвергались административному воздействию разных видов, а надзор над А. С. Пушкиным, мировой славой русской литературы. — как это видно из последних биографич. изысканий,—не только проводил его в могилу, но длился еще 30 лет после смерти поэта *). Таким образом, начало, провозглашенное в объявлении от имени Академии, проведенное последовательно, должно было бы закрыть доступ в Академию первому поэту России. Это — в прошлом. В настоящем же прямым его следствием является то, что звание Поч. Академика может быть также и отняваемо вне-судебным порядком, но простому подозрению администрат. учреждения, постановляющего свои решения без всяких гарантий для заподозренного, без права защиты и апелляции, часто даже без всяких объяснений.

„Таково принципиальное значение начала, провозглашенного от имени Академии. Я не считаю уместным касаться здесь общего и юридич. значения 1035 ст. и тех, лежащих

*) Уже в 70-х годах истекшего века генер. Мезенцов потребовал, по вступлении своем в должность шефа жанд. списки поднадзорных и вычеркнул из них имя тит. сов. А. С. Пушкина (примеч. В. Г. Короленко).

за пределами литературы, соображений, которыми вызвано ее применение. Во всяком случае, однако, представляется далеко небезразличным—вводится-ли то или другое начало категорическим распоряжением власти, или-же оно возлагается на инициативу и нравственную ответственность учено-просветительного учреждения, призванного руководиться лишь высшими интересами литературы и мысли.

„В виду всего изложенного, т. е.:

„что оглашением от имени Академии объявлением затронут вопрос, очень существенный для русской литературы и жизни;

что ему придан характер коллективного акта;

что моя совесть, как писателя, не может примириться с молчаливым призыванием принадлежности мне взгляда, противоположного моему действительному убеждению;

что, наконец, я не нахожу выхода из этого положения в пределах деятельности Академии,—

Я вижу себя вынужденным сложить с себя нравственную ответственность за „объявление“, оглашенное от имени Академии, в единственной доступной мне форме, т. е. вместе с званием Почетного Академика.

Поэтому, принося искреннюю благодарность уважаемому учреждению, почтившему меня своим выбором, — я прошу вместе с тем исключить меня из списков и более Поч. Академиком не числить.

Вл. Короленко“.

Писал я Вам отсюда 25 июля, в день приезда Фед. Дм., которого мы с Соней *) ходили встречать в Геленджик. От Вас жду ответа с великим нетерпением, так как почти ничего не знаю о Петербурге, редакции и прочем. Напишите, пожалуйста, обо всем, а также о том, кто где находится из редакции, когда приедете и т. д. Я здесь благодумствую на берегу моря и не скажу, чтобы очень рвался в Петербург. Наоборот... но... если... и т. д., и т. д.

*) Дочь В. Г. Короленко.

Наши все вам всем кланяются. Уедем отсюда, вероятно, числа 17-го августа, но Ваш ответ еще застанет нас здесь.

Крепко обнимаю всех, всех.

Ваш Вл. Короленко.

5 авг.

Геленджик (Черном. губ.)

„Джанхот.“

Ровно месяц спустя послал свой отказ и Чехов. Вот что он писал по этому поводу к Короленку:

„Ялта 25 Авг.

Дорогой Владимир Галактионович, где Вы? Дома-ли? Как бы то ни было, адресую это письмо в Полтаву.

Вот что я написал в Академию:

„В. И. В.!*) В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почетные академики; и я не замедлил повидаться с А. М. Пешковым, который тогда находился в Крыму, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что в виду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст. выборы признаются недействительными; при чем было точно указано, что это извещение исходит от Академии Наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение частью исходило и от меня. Я поздравлял сердечно и я же признавал выборы недействительными—такое противоречие не укладывалось в моем сознании. примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог придти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, почтительнейше просить В. И. В. о сложении с меня звания почетного академика“.

Вот Вам. Сочинял долго, в очень жаркую погоду и лучше сочинить не мог и вероятно не могу.

*) Т. е.—Ваше Императорское Высочество.

Приехать было нельзя. Хотел с женой проехаться по Волге и по Дону, но в Москве она т. е. жена тяжело заболела опять — и мы так намучились, что было не до путешествия. Ну, ничего, авось будем живы в будущем году и тогда я проедусь в Геленджик, о котором, кстати сказать, на днях читал статью в Историч. Вестнике.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. Будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов^а.

Вслед за этим Чехов снова писал к Короленку:

„28 авг. 1902.

Дорогой Владимир Галактионович, вот еще подробности. Когда мною были написаны заявление к К. К. и письмо к Вам, вдруг явился гость — акад. Кондаков, которого Вы знаете. Мы разговорились и он между прочим сказал мне, что заявление следует послать на имя А. Н. Веселовского, так как сей состоит председателем отделения, но вовсе не на имя К. К., который состоит только членом отделения, как я и Вы. Я быстро переписал заявление и в тот же день послал его — на имя Веселовского. Стало быть, Батюшков было неправ.

Заявление я переписал, письмо же к Вам послал так, рассчитывая написать Вам еще на другой день. Расчет мой оказался неверным, я запаздываю дня на три, в расчете, что Вы простите и не посетуете на меня.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. Стемнело в комнате, плохо вижу и потому плохо пишу, кажется.

Ваш А. Чехов^а.

Точный текст письма Чехова к А. Н. Веселовскому, несколько разнящийся от приведенного выше текста, таков:^{в)}

^{в)} См. «Чехов. Новые письма» под ред. Б. Л. Модзалевского. «Атеней».

„25-го августа 1902 г.

Милостивый Государь

Александр Николаевич!

В Декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почетные академики. А. М. Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравлял его, затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что в виду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст., выборы признаются не действительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии Наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно и я же признавал выборы не действительными—такое противоречие не укладывалось в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство же с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог придти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно почтительнейше просить Вас ходатайствовать о сложении с меня звания почетного академика.

С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою.

Антон Чехов.

25 Августа 1902 г.

Ялта“.

В промежутке между выходом из Академии Короленка и Чехова Владимир Галактионович занес в свой дневник краткий очерк всего инцидента, который мы здесь и приводим (даты на записи нет):

„В марте разыгралась академическая история с выбором А. М. Пешкова-Горького.

Года два-три назад мин. Витте в память Пушкинских дней, внес проект образования разряда изящной словесности при Академии Наук, в который должны быть избираемы

выдающиеся беллетристы и критики. В первой очереди были выбраны Толстой, Чехов и я. Выбор чисто почетный, не сопряженный ни с содержанием, ни с должностью. Отказываться было бы странно, и все мы приняли выбор, хотя я лично чувствовал какой-то осадок и предчувствие, что эта комедия при наших порядках добром не кончится.

Надо думать, что уже этот первый выбор вызывал некоторое неудовольствие. Вторые выборы опять дали некоторый контингент либер. писателей в Академию (в том числе К. К. Арсеньев). Затем подошли выборы третьей серии, и при этом был избран А. М. Пешков. В это время в Нижнем о нем производилось дознание по 1035 ст., по полит. делу. Все это дело начато честолюбивым и злостным прокурором Утиным, которого, в конце концов, за неадекватность убрали из Нижнего. Это однако послужило поводом Сипягину представить Государю выбор Пешкова, как демонстрацию со стороны Академии. Царь через Ванновского, во-первых, объявил академии „неудовольствие“ за этот выбор. Вторым Высоч. повелением приказано выбор считать недействительным, третьим—изменить устав о выборах в поч. академию таким образом, чтобы впредь таких случаев не было. Все это было объявлено академиком Президентом (Вел. Кн. Конст. Константинович) и на этом история могла-бы закончиться, так как, конечно, никто не стал-бы оспаривать права Высоч. власти—издавать отдельные повеления и не утверждать выборы—в России, где губернаторы не утверждают председателей земских управ и гор. голов. Но кто-то еще пожелал, чтобы объявление о неутверждении было сделано не категорическим распоряж. власти, а от имени самой Академии. В „Правит. В—ке“ сначала появилось просто известие, что выборы Горького не утверждены. Уже и это было очень неадекватно. Почетный выбор был оглашен во всех газетах и Горькому было послано от Акад. извещение. Очевидно, „почета“, состоявшего в выборе, уничтожить было уже невозможно. Теперь к этому прибавили новую огласку—неутверждение, которое у нас, в России, по обстоятельствам, тоже является своеобразно почетным. Вдобавок,—новая бестактность: Президент потребовал через губернатора, чтобы

Пешков вернул самое извещение о факте выбора. Хотели, очевидно, вменить выбор „яко не бывший“. В самый день, когда появилось объявление об отмене выборов,—к телеграмме об этом агентства приказано прибавить: „от Академии наук“. В объявлении сказано, что, выбирая Пешкова, академики не знали о его привлечении по 1035 ст. В конце концов вышло, что академия сама, узнав о пресловутой 1035 ст.,—отменяет свой выбор и значит Высоч. повелению придан вид самостоят. акта академии. Между тем, значение этой статьи спорно, никогда „полиц. надзор“ так не истолковывался и даже одна ретроградная газета выразила недоумение—что академия считается с полицейскими соображениями („Свет“). Между тем, академики даже не знали, что от их имени делается такое объявление...

Я в это время сидел в Полтаве, и до меня доходило все это довольно поздно. Высоч. повел. состоялись 9 марта. В начале апреля я приехал в Петербург и говорил с неск. академиками. Все были возмущены,—но... общее настроение повидимому улеглось. Шумел только математик Марков, которому Президент не позволил поднять этот вопрос в заседании. Я обратился (6 Апр.) к Веселовскому с письмом, в котором, сообщая, что я имел право участвовать в обсуждении отмены выборов, раз она должна была состояться от имени Академии,—прошу назначить собрание, в к—ром я мог-бы представить свои соображения по этому поводу. Лично Веселовскому (председ. II отд.) я заявил, что сложу с себя звание, если до половины мая не будет собрания для обсуждения этого вопроса. Веселовский немного слухавил: в Полтаве я получил приглашение на 10 мая в заседание Отдела и Разряда „для частного совещания“. Я приехал, совещание состоялось, но результат получился неопределенный и вопрос откладывался—до осени во-первых, до выздоровления Президента (князь К. К. был болен и говорили серьезно)—во-вторых.

В конце концов я послал во время летних каникул свой мотивированный отказ от звания Поч. Академика. Повидимому, уйдет и Чехов. Маленькая идиаллия с „почетными

академиками“, которых может сменять департамент полиции простым возбуждением „дела о неблагонадежности“—кончается.

Любопытна также параллельная история с проектом наменения устава. Выбрана комиссия, в которую вошли очень уважаемые люди (даже К. К. Арсеньев) и... такова была растерянность и недоумение, что эта комиссия придумала—предварительные справки через Президента в департаменте полиции. Так. обр. в конце концов департамент полиции руководил-бы академическими выборами. Проект был тогда изменен: академия выбирает и, не оглашая выборов, представляет на утверждение Государя... Само собою разумеется, что тогда Государь отсылает к министру вн. дел, министр вн. дел—в департамент полиции, и в результате опять то же. Мы будем выбирать только писателей, патентованных в департаменте полиции. На мое замечание по этому поводу—частное собеседование пришло к заключению, что „академия выбирает и оглашает о почетном выборе“, а затем представляет Государю. Но это—как раз опять случай с Горьким, по поводу к—рого как раз и приказано изменить устав. Т. обр.—выхода нет, и куда ни кинь все попадешь в деп. полиции. Играть дальше эту комедию—у меня нет охоты.

Очень характерно в „совещании“ держатся В. В. Стасов. Сначала с некоторой резкостью он попал на меня. По его словам—я своим заявлением „ничего нового не сказал“. Объявление—есть офиц. реляция. Таковым у нас, все равно, никто не верит. Мы читаем, напр., что в стычке ранено 6 казаков, а всем известно, что их убито 666! И однако мы не суемся опровергать эти реляции. То же и здесь. В обществе уже известно многим, что это инициатива не академии, и этого достаточно.

На это я ответил, что с такими реляциями я, конечно, знаком, но попрошу многоуважаемого В. В-ча указать мне хоть один случай, когда такая реляция была напечатана от моего имени или от имени кого-либо из присутствующих.

В данном же случае от моего имени об'явлено, что я считаю всякого, заподозренного деп. полиции—недостойным выбора. Но тогда мы не могли-бы выбрать Пушкина, Лерм. Грибоедова, Тургенева. Я имею кроме общих еще и личные причины, заставляющие меня ненавидеть этот внесудебный порядок, применяемый к политическому процессу, и имею право оберегать свое писательское имя от навязывания мне признания этого „порядка“ и его законности. Любопытно, что, после заседания, В. В. Стасов подошел ко мне и, пожимая мне руки,—сказал, что я прав и что, в сущности, после этой бесцеремонности—все мы должны бы выйти... „А если не выходим,—то по российскому свинству!“—закончил он с обычной резкостью. „И так поговорив, мы разошлись“...

Приведенных выше документов, кажется нам, достаточно для более или менее полного уяснения отношения к академическому эпизоду как его главнейших участников, так и тех представителей литературы и общественности, которые по тем или другим причинам были вовлечены в обсуждение истории. И отношение каждого из них—по своему характерно.

Для В. Г. Короленки главным моментом является живая и безизравственная форма, в какую оказался облечен правительством акт кассации выборов. В данной обстановке это было для него особенно нестерпимо, ибо инцидент, помимо своей общественно-политической стороны, имел сторону и лично В. Г.-а касавшуюся: он оскорблял его достоинство, как человека и писателя.

Для А. П. Чехова в этой истории главное—простое соображение о том, так сказать, житейски-нелепом положении, в котором он себя почувствовал, одновременно приветствуя Горького с избранием, и тут-же как бы своим именем лишая его звания академика.

Н. Ф. Анненский сразу же вступил при обсуждении инцидента на общественно-политическую позицию: акт пра-

вительства — тяжелый политический симптом и такой же симптом — в слабой на него реакции со стороны академических кругов.

Добрый и далекий от общественности человек — Ф. Д. Батюшков прежде всего высказывает опасение, как бы неосторожный шаг со стороны Короленки, которого он так любил, лично не навредил ему. В дальнейшем его позиция — явно несамостоятельна, колеблющаяся и неуверенная.

Наконец, виднейший представитель академических кругов, А. А. Шахматов — более всего озабочен мыслью о том, чтобы резкие выступления почетных академиков не нанесли уцерб дорогому для него учреждению — Академии.

В прессе, по цензурным условиям того времени, весь этот инцидент, сколько нам известно, полного отражения не получил. Только в 1905 году, когда рамки цензурных ограничений значительно расширились, кое-что из происшедшего в Академии получило некоторую огласку. В частности, заявил о своем отношении к происшедшему несколько раз упоминаемый выше академик А. Марков.

Других более или менее значительных откликов на этот эпизод мы не знаем.

IV.

Свое прямое продолжение академическая история получила уже после революции 1917 г.

Вскоре после февральского переворота группа академиков, изложив вкратце краткую историю академического инцидента, пришла к следующему выводу:

„Принимая во внимание, во-первых, что от Академии наук и ее органов никаких распоряжений об исключении М. Горького из числа почетных академиков не исходило; во-вторых, что повеление государя было сообщено Академии уже по приведении в исполнение вытекавших из него

распоряжений, чем исключалась возможность дальнейших со стороны Академии действий для осуществления состоявшегося в ней выбора А. М. Нешкова; в-третьих, в виду того, что повеление, устранившее А. М. Нешкова, было опубликовано не в установленном действовавшими в то время основными законами Российской империи порядке (св. зак. изд. 1892 года, т. I, ч. I, ст. 55 и прим. I ст. 66), а также, что одно лишь привлечение к дознанию в порядке ст. 1035 устава уголовного судопроизводства, согласно ст. 1035²⁵, не может влечь за собою для привлеченного лишения или ограничения каких-либо прав, — надлежит, по мнению отдельных членов Разряда, послать М. Горькому, как почетному академику, повестку на ближайшее заседание Разряда, которое предполагается назначить на 20-е марта“.

21-го марта, после состоявшегося академического заседания, покойный Д. Н. Овсянко - Куликовский, также почетный академик (более позднего избрания), обратился к Короленку с письмом, в котором между прочим писал:

„Вчера, на заседании Разряда публичной словесности, было выражено единодушное желание, чтобы Вы опять стали почетным академиком и вступили в нашу среду. Максиму Горькому была послана повестка, и мы готовили ему надлежащую встречу и привет. Но, задержанный на каком-то заседании, он не явился. Явится в следующий раз. С возвращением Горького отпадает достаточное основание для Вашего отсутствия. Мне поручили запросить Вас об этом, прежде чем будет послано Вам официальное предложение Академии. Вас надо будет баллотировать, — и, разумеется, Вас изберут единогласно. Горький вернулся без баллотировки, потому что Академия все время считала его невыбывшим, а только отторгнутым внешнею силою. Вы же выбыли по собственному желанию. Вспоминаю, что года три тому назад, на частном совещании у Кони, А. А. Шахматов заявил, что из числа имеющих вакансии две должны оставаться незамещенными — впрямь до возвращения Короленка и Горького. Теперь этот момент наступил. Возвращайтесь к нам“.

Точка зрения на этот вопрос Короленка была однако иная. На письмо Овсянко-Куликовского В. Г. отвечал следующим образом (цитируем по сохранившемуся в архиве черновику):

„29 мая 1917

Дорогой Дмитрий Николаевич.

Не знаю, найдете ли Вы в себе столько христианского незлобия, чтобы не сердиться на меня за такое запоздание с ответом на Ваше письмо. Произошло это от многих более или менее уважительных причин. Одна из них продолжающееся нездоровье, другая—вытекающая отсюда нерешительность. Наконец третья—неопределенность положения, из которого требуется выход.

Вот видите ли, дорогой Дмитрий Николаевич, в чем дело. Вышел я из Академии не потому, что Царь не утвердил избрания Горького. Это его, т. е. бывшего Царя дело. При прежнем строе на всем его претяжении ктонибудь когонибудь не утверждал: губернаторы—одних, министры—других, цари—третьих. Это было тогда их формальное право, и это приходилось терпеть всей России. Экстренной обиды в пользовании им, требующей особого протеста, не было. Вспоминаю по этому поводу один эпизод, который запал мне в память отчасти в связи с нашим делом. В прошлом веке берлинская академия избрала в свои члены проф. Зибеля. Император этого избрания не утвердил. Когда академики выразили по этому поводу свое соболезнование, то Зибель ответил: — „О, это беда небольшая. Было-бы гораздо печальнее, если-бы выбрал император, а Академия не утвердила“. Такая-же малая беда случилась и с Горьким, и если-бы о неутверждении было объявлено обычным порядком „от высочайшего имени“, то я, как и другие, просто принял бы это к сведению. К сожалению, это было объявлено не от царя, а от самой академии: в Правит. В-ке было сказано, что мы выбрали Горького, не зная, что он находится под политическим дознанием. А узнав, выбор отменяем. Это было сделано так безцеремонно, что у нас даже

не спросили, желам-ли мы брать на свою ответственность эту царскую функцию неутверждения. Это уже была „беда“, и только против этой бесцеремонности я и протестовал. Царь мог не утверждать сколько ему угодно, но я не желал, чтобы он прикрывал свое неутверждение моим именем.

Вот в чем было дело и почему я сложил с себя звание почетного академика. Согласитесь, что будет непоследовательно с моей стороны, если я аннулирую эту причину моего ухода и соглашусь войти в „Отдел“ после того, как история аннулировала самого царя. С Горьким дело нежалуй прощай: он входит в академию, как Вы выражаетесь,—автоматически. Со мной не то. Меня придется переизбрать, при чем самая причина моего выхода представится при этом не в настоящем свете.

Мне, поверьте, очень неприятен весь этот эпизод, потому что я питаю глубокое уважение к личному составу „отдела словесности“. Но принципиальное разногласие может выйти и у людей, взаимно друг друга уважающих, а тут у меня были именно принципиальные соображения. И право я не вижу, почему я должен идти с ними в Каноссу и вновь стучаться в двери, из которых ушел добровольно по причине, которую считаю основательной.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь, что Вы на меня не рассердитесь ни за запоздалость ответа, ни за его сущность.

Искренно Вас уважающий

Вл. Короленко.

P. S. Еще одно: вышли мы по обоюдному соглашению с А. П. Чеховым. Войти вместе не можем....“

10-го марта 1918 г. В. Г., отвечая некоему N., приставшему копия предназначенной к печати рукописи об академическом инциденте, указывает, почему он не может вернуться в Академию, повторяя доводы, изложенные им в письме к Овсяннико-Куликовскому. Но далее он, исправ-

ляя фактические неточности в приставленной ему работе г. Н. и касаясь вопроса об уходе из Академии Чехова, категорически заявляет: „Могу уверить, что Чехов всегда поступал очень самостоятельно, именно так, как сам считал нужным и „увлекать“ его мне не приходило в голову..... Я ограничился изложением перед отделом мотивов, не позволяющих мне лично примириться с таким бесцеремонным навязыванием мне, гласно и публично, не моего, а казенного мнения и, если хотел чегонибудь, то лишь того, чтобы отдел в какойнибудь форме отклонил от себя авторство заявления. Я уважаю личный состав отдела, и не считал уместным навязывать ему тот или другой образ действий. Это дело их. Я только не мог подчинить свое мнение большинству, так как для меня это был вопреки совести. Вот и все“.

Далее В. Г. пишет: „Недавно в одном из исторических журналов..... была напечатана заметка, бросающая окончательный свет на весь инцидент с Горьким. На докладе о выборах Горького царь сделал пометку: „Оригинально“. Никакой дальнейшей резолюции не было, и уже повидимому президент Академии К. Р. и председатель отдела А. Н. Веселовский нашли выход из положения, не справившись с мнением отдела. Я помню, что А. Н. Веселовский говорил об этом вскользь: „вед. князь нашел, что для отдела будет гораздо лучше сделать это от себя“. А по моему это-то и было гораздо хуже. Президент сделал большую неловкость, а А. Н. Веселовский не сумел эту неловкость отклонить“.

В постскриптуме к настоящему письму мы читаем: „По навед. мною справке, заметка, о которой я говорил выше, напечатана в „Вестнике“, в июльской книжке прошлого 1917 г. и озаглавлена: „Более чем оригинально, — случай с Горьким“. Из этой заметки видно, что никакого неутверждения в сущности не было, а было лишь нечто вроде изречения оракула, которое академический президиум поспешил облечь в форму отречения Отдела от собственного выбора. В этом узел всего инцидента“.

В собрании документов, относящихся к изложенной нами истории, хронологически-последним является письмо-уведомление академика А. Шахматова от 29 16 мая 1918 г. следующего содержания:

„Глубокоуважаемый

Владимир Галактионович.

В заседании Разряда изящной словесности 27 (14) мая единогласно постановлено: просить вас принять звание Почетного Академика. Только теперь пришлось привести в исполнение решение, к которому Разряд изящной словесности пришел еще в марте 1917 года немедленно после возвращения А. М. Ненкова (Максима Горького) в состав Почетных Академиков.

Искренно вас уважающий и преданный

А. Шахматов“.

Ответил-ли на это извещение В. Г.—нам неизвестно. Вероятнее, что нет: мнение его по этому поводу, как мы видели, было уже высказано, новых данных для его изменения не было, сношения с Петербургом были случайны и затруднительны. Как-бы то ни было,—черновиков ответа или хотя бы обычной у В. Г-а в таких случаях пометки в записной книжке—мы не нашли.

Такова эта история, взволновавшая в свое время русское общественное мнение и получившая название „Академического Инцидента“. Для нас она имеет значение исторического эпизода, дополняющего несколькими яркими штрихами характеристику условий русской общественности последних лет эпохи царизма.

Уход двух, может быть, наиболее ярких членов из Разряда Изыщной Словесности Академии, украшавших своим именем его состав, несомненно, не мог не оказать влияния на деятельность учреждения, которое, как известно, не оставило за время своего существования сколько-нибудь заметного следа в летописях Российской изящной словесности.

AS

262

A68D4

Derman, Abram Borisovich
Akademicheskii intsident.

(ed.)

DATE
NAME OF BORROWER

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

**Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED**

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 15 06 12 017 6